

Анжелика Янчевская

ПОПАДАНКА В БЕРЕМЕННУЮ БЫВШАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

Анжелика Янчевская
Попаданка в беременную.
Бывшая жена дракона

<https://litres.ru/74278444>

Аннотация

Я умерла в своём мире одинокой женщиной за шестьдесят, так и не познав материнства. А очнулась в теле юной леди Оливии Райвен— и тут же услышала приговор: «Пустоцвет. Развод. Ссылка». Муж-дракон изгнал меня в заброшенное поместье на краю света, считая бесплодной. Он не знал, что я уже ношу под сердцем его наследника. литмоб_попаданка_в_беременную

Содержание

1	4
2	11
3	17
4	27
5	33
6	38
7	44
8	51
9	61
10	71
11	81
12	89
13	95
14	104
15	111
16	117
17	124
18 б	130
19	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

— Пустоцвет.

Слово, холодное и острое, как осколок льда, вонзилось в мучительный, вязкий туман, что клубился в моей голове. Оно не просто прозвучало — оно просверлило себе путь сквозь гудящую боль, выдергивая меня из липкой, обволакивающей темноты, в которой было так обманчиво спокойно.

— Год, Оливия. Я дал тебе год.

Голос. Глубокий, рокочущий, с бархатными, но стальными нотками. От такого голоса, будь я на сорок лет моложе, по коже побежали бы мурашки совсем иного толка. Но сейчас он был лишь источником боли, молотом, бьющим по наковальне моего сознания. Голос, привыкший не просить, а повелевать.

— Целый год, чтобы ты исполнила свой единственный долг.

С неимоверным усилием, словно поднимая могильные плиты, я разлепила веки. Ресницы склеились, во рту стоял отвратительный горько-кислый вкус, а голова раскалывалась так, будто в ней всю ночь гуляла бригада строителей с отбойными молотками.

Комната тонула в сером предрассветном сумраке. Высокие стрельчатые окна, занавешенные тяжелым бархатом, пропускали лишь скупые полосы света. Все плыло и кача-

лось, как палуба корабля в шторм. Все, кроме одной фигуры. Силуэт мужчины у дальнего окна был до ужаса, до невозможности четким.

Высокий, широкоплечий, словно высеченный из темного мрамора и сгустившегося гнева. Длинные, иссиня-черные волосы, чуть тронутые серебром на висках, были небрежно перехвачены на затылке простой кожаной тесьмой. Он стоял спиной ко мне, глядя на что-то за окном, и сама его поза излучала напряжение и холодную ярость.

Даже со спины он был красив. Красив хищной, беспощадной мужской красотой, от которой у девчонок замирает сердце и подгибаются колени. Эх, была бы я помоложе ... Мысли путались, цеплялись одна за другую. Какой еще мужик? Я ведь... на дачу ехала. В стареньком ПАЗике. С рассадой помидоров...

— Я... — я попыталась подать голос, но из пересохшего, ободранного горла вырвался лишь сиплый, едва слышный хрип. Тело ощущалось чужим, ватным и совершенно беспомощным. Слово не мое. Я едва сумела пошевелить пальцами на тяжелом, прохладном шелке простыни.

— Молчи, — отрезал он, даже не удостоив меня поворотом головы. Его голос ударил, как хлыст. — Я уже все решил. Ты не смогла подарить моему роду наследника. А жена-пустоцвет мне не нужна.

Пустоцвет... Снова это слово. Так называли в деревне яблони, что пышно цвели каждую весну, но никогда не давали

плодов. Красивые, бесполезные деревья. Мой первый муж, Колька, слесарь с вечно пьяными глазами, бросил мне в лицо такое же слово тридцать лет назад, когда врачи вынесли вердикт. А теперь... откуда оно здесь? В этом странном, до жути реалистичном сне?

— Согласно закону Драконьего Рода, я развожусь с тобой. Наш союз расторгнут с этого дня.

Развод? Какое официальное, чужое слово. Я ведь одинокая женщина, ехала на дачу. Помню визг тормозов, удар, крики... Стекло, летящее в лицо...

Мужчина наконец медленно повернулся. И я утонула. Просто пошла ко дну в его глазах. Тёмных, как осенняя ночь, почти черных, в непроглядной глубине которых плясали крохотные золотые искры. Искры ярости, застарелой боли и горького разочарования. Он молод, выглядит лет на тридцать, но во взгляде читается вселенская усталость.

— Ты думала, я буду терпеть это вечно? — он начал медленно приближаться к огромной кровати, на которой я лежала. Каждый его шаг, мягкий и выверенный, отдавался гулким ударом в моей голове. Шаг хищника, загоняющего раненую добычу. — Думала, моя доброта и терпение безграничны? Я дал тебе все, что мог: имя, которое здесь уважают, статус леди Райвен, богатство, о котором ты и не мечтала. А взамен ждал лишь одно. Всего одно. И ты не справилась.

Он остановился у самого изножья кровати, возвышаясь надо мной, как судья над преступником. Я смотрела на него

снизу вверх, чувствуя себя крохотной, слабой, раздавленной. Кто он? Почему он так зол? И почему от его вида что-то внутри сжимается не только от страха, но и от странной, болезненной, почти щенячьей тоски?

— Наследника мне родит другая, — констатировал он безжалостно, и эта фраза прозвучала как приговор.

Конечно, родит. Мужики, что в моем мире, что, видимо, в этом сне, все одинаковые. Не работает старый станок — выкинуть, купить новый. Практично.

— Ты разочаровала меня, Оливия, — его голос стал тише, но от этого еще более жестоким. — Разочаровала как женщина и как леди рода Райвен.

Он сделал паузу, давая словам впитаться, пропитать собой воздух, отравить его окончательно. Я молчала, пытаюсь удержать ускользающее сознание. Оливия... Значит, эту девочку, из моего сна, зовут Оливия.

— Я не оставлю тебя нищей, — продолжил он с тем же ледяным, отстраненным спокойствием. — Я не из тех, кто выбросит свою... бывшую жену на улицу. Я слишком чту имя своего рода. Я выделил тебе небольшой, но приличный дом в столице и достаточное содержание. Можешь жить там до конца своих дней. Не зная забот.

Дом в столице... Содержание... Мой практичный, дачный ум тут же включился, оттесняя боль. Дом с участком? Хоть сотки три? Дрова или уголь? А «содержание» — это сколько в месяц? На семена хватит? На навоз?

Он развернулся, чтобы уйти. Шаг, второй по каменному полу. Его спина была прямой и негибаемой. Кажется, все кончено. Кажется, я снова могу провалиться в эту спасительную, безболезненную темноту.

— Собирай свои вещи, — бросил он через плечо, не оборачиваясь, уже у самой двери. — Завтра на рассвете карета отвезет тебя в столицу. Ты покинешь этот замок. Навсегда.

Дверь захлопнулась. Тяжелый дубовый массив с коваными петлями. Грохот от удара всколыхнул тишину, эхом отозвался в каждом уголке огромной, холодной комнаты и в моей раскалывающейся голове.

Я осталась одна. Одна в оглушительной тишине, пытаюсь собрать воедино осколки чужих воспоминаний о каком-то лорде Райвене и своих собственных, о ПАЗике и рассаде. Голова закружилась с новой силой, комната поплыла. Я попыталась приподняться на локтях, но руки подломились, и я бессильно рухнула обратно на мягкие, но холодные подушки.

Беспомощный взгляд скользнул по комнате, зацепившись за изящный туалетный столик из темного, почти черного дерева. На его идеально отполированной поверхности, рядом с серебряной шкатулкой для драгоценностей и щеткой с костяной ручкой, стоял маленький, почти незаметный пузырек из темного стекла. Пустой.

И в этот момент из самых глубин чужой памяти, как ил со дна болота, всплыл яркий, страшный образ: тонкие, дрожа-

щие девичьи пальцы с трудом откупоривают тугую пробку... горькая, обжигающая жидкость льется в горло... А следом — волна отчаяния, такого густого, черного и всепоглощающего, что от него можно было задохнуться.

Яд.

Господи. Девочка отравилась. Бедная, глупая девочка. Из-за мужика... Да разве ж они стоят того, чтобы из-за них жизнь свою губить? Козлы они все, что лорды, что слесари. Бросил, как только узнал, что бесплодна. Все они одинаковые, на одном станке деланные.

В глубинах моего сознания, затуманенного то ли жаром от яда, то ли бредом после аварии, смешались две реальности, две боли, две трагедии. Мое собственное одиночество, мой давний приговор — «пустоцвет», — и этот яркий, жуткий, невыносимо реалистичный сон о девушке по имени Оливия. Ее отчаяние отзывалось во мне глухой, знакомой, застарелой болью.

Внезапно дверь тихо скрипнула, и в комнату, семена, вошла молоденькая девушка в простом сером платье и белом чепце. Служанка. Она несла небольшой поднос с кувшином воды и чашкой. Увидев, что я не сплю, она испуганно вздрогнула, но потом подошла ближе. Ее взгляд метнулся к туалетному столику, и она замерла. Проследила за моим мутным взглядом и увидела то, что увидела я. Пузырек.

Она подскочила к столику, схватила его дрожащими руками.

— Миледи... — прошептала она, и ее круглые глаза расширились от ужаса. Она поднесла пузырек к носу, принюхалась и побледнела как полотно. — О, Великие Духи... Что вы наделали?.. Я... я позову господина! Лорд должен знать!

Она, спотыкаясь, выбежала из комнаты. А я осталась лежать, глядя в высокий, украшенный лепниной потолок. Сон становился все более навязчивым, детали — все более четкими.

Снаружи, в коридоре, слышались торопливые, тяжелые шаги. Они приближались. Быстро.

И в этот самый момент, меня накрыло ледяной волной осознания, от которого волосы на затылке встали дыбом.

Это не сон.

Это не бред после аварии.

Это все по-настоящему.

И тот разъяренный, но, собака такая, красивый мужик, сейчас вернется. И он будет очень, очень зол.

Тяжелый дубовый засов с той стороны двери с глухим, чугунным стуком упал в свои пазы. Дверь со скрипом, от которого заломило зубы и свело скулы, распахнулась настежь. На пороге стоял он.

Если мгновение назад я еще могла цепляться за абсурдную мысль о сне, то теперь эта надежда испарилась, как роса под палящим солнцем. В комнату вместе с ним ворвалась не просто злость — в ней ощущалось почти физическое давление, жар, от которого воздух загустел и задрожал.

Сейчас в его глазах не было того ледяного, отстраненного презрения. В их чернильной глубине бушевало настоящее пламя. Золотые искры, что я видела раньше, превратились в ревущий, неукротимый пожар. Он шагнул через порог, и мне показалось, что температура в просторной спальне подскочила на десяток градусов. Служанка, залетевшая следом, замерла, и вжалась в стену.

— Ты решила бросить тень на мое имя? — его голос был тихим, почти шипящим, и от этого становился еще страшнее. В нем не было крика, лишь сдавленная, клокочущая ярость. Он даже не смотрел на меня. Его взгляд, раскаленный добела, был прикован к пустому пузырьку, который все еще сжимала в побелевших пальцах перепуганная девушка. — Решила устроить это жалкое представление? Умереть в

моем доме, чтобы все королевство шепталось о том, что лорд Дарек Райвен, довел свою молодую жену до могилы?

От его взгляда, даже направленного на служанку, хотелось сжаться в комок, стать меньше пылинки на ковре, просочиться сквозь щели в полу. Он медленно перевел взгляд на меня, и я почувствовала себя пригвожденной к постели.

— По закону, — процедил он сквозь плотно сжатые зубы, и в его голосе прорезался отчетливый металлический лязг, — в случае твоей смерти я, как безутешный вдовец, должен был бы соблюдать траур. Три года! Три проклятых года, Оливия! Ты решила отнять у меня три года, чтобы отомстить за свою никчемность? Три года, пока другие лорды женятся и рожают наследников, я должен был бы носить черное и изображать скорбь по женщине, которая не смогла выполнить свой единственный долг!

Я молчала, не в силах вымолвить ни слова, да и что я могла сказать? В голове царил полнейший хаос. Какой траур? Какие три года? Я просто пыталась понять, где я, черт возьми, нахожусь, а этот великолепный, но абсолютно безумный мужчина обвинял меня в каком-то заговоре. Мой мозг, привыкший к схемам посадки огурцов и графикам полива, отказывался обрабатывать эту информацию.

— Так вот, леди Оливия, — он сделал еще один шаг ко мне, и служанка испуганно пискнула и отскочила в сторону, выронив злосчастный пузырек. Тонкое стекло со звоном разлетелось на мелкие осколки по каменному полу. «Хорошо,

что пол каменный, — мелькнула идиотская мысль, — был бы ламинат, пришлось бы еще за царапины платить». — Ты будешь жить. Я заставлю тебя жить. Ты будешь жить долго и, смею надеяться, мучительно, проклиная тот день, когда решила сыграть со мной в свои жалкие, бабские игры.

Он резко развернулся к застывшей изваянием у стены служанке. Его приказ прозвучал как удар кнута:

— Лекаря! Живо! Найди магистра Элиаса, где бы он ни был! И чтобы через час она была на ногах!

С этими словами он круто развернулся и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что с потолка посыпалась известковая крошка.

Я не помню отчетливо, как появился лекарь — пожилой, сухой мужчина с цепкими пальцами и пронзительным взглядом. Сознание то уплывало в вязкую, спасительную темноту, то возвращалось, выхватывая отдельные картины. Помню, как меня заставляли пить какие-то невероятно горькие отвары, от которых все внутри горело. Как прохладные, уверенные руки ощупывали мой пульс, давили на живот, заставляя тело извергать остатки яда. В один из моментов просветления я увидела склонившееся надо мной заплаканное лицо той самой служанки.

— Ох, миледи, ну как же вы так, — шептала она, утирая мне лоб влажной, прохладной тканью. — Разгневали лорда. Он же... он же дракон, миледи. Им нельзя перечить. Их

ярость страшна. Когда они в гневе, они сжигают дотла все, что им дорого.

Дракон? Я несколько раз моргнула, пытаюсь сфокусировать на ней взгляд. Ну да, во сне, а это все еще казалось дурным сном, все возможно. И не такие чудеса привидятся, когда автобус с тобой внутри сминается, как пустая консервная банка. Господи, что за мир, откуда драконы? Такого даже в сказках не читала, змей Горыныча читала, о трех головах, а чтобы мужик красивый, а по факту ящер злобный, никогда не слышала.

— Он ведь теперь милости своей вас лишит, — продолжала сокрушаться служанка. — Дом в столице, содержание... Все прахом пошло. Говорит, раз вы так хотели умереть, он предоставит вам эту возможность. Только медленно. И не под его родовым именем.

К вечеру силы начали понемногу возвращаться. Голова все еще кружилась, но туман постепенно рассеивался. И вместе с ним приходило осознание всего ужаса моего положения. Это не сон. Это другая, чужая реальность. И я заперта в чужом, благо молодом теле, во власти разъяренного мужика, который, к тому же, еще и дракон.

Он вернулся, когда за окном уже сгустились лиловые сумерки. Вошел без стука, тихо, как тень. На этот раз он был пугающе спокоен. И эта звенящая, холодная тишина была хуже любого крика.

— Лекарь сказал, что твоей жизни ничего не угрожает,

— произнес он, останавливаясь посреди комнаты. Пламя в его глазах погасло, оставив после себя лишь выжженную черную пустоту. Он смотрел на меня долго, изучающе, словно пытался заглянуть в самую душу. Я съежилась под этим взглядом, инстинктивно натягивая шелковое одеяло до самого подбородка.

— Раз ты так жаждешь забвения, я тебе его предоставлю, — наконец сказал он ровным, безжизненным голосом. — Я отменяю свое прежнее решение о доме в столице и содержании. Ты получишь то, чего, очевидно, заслуживаешь. Дальнее, заброшенное имение на северной границе. Местные называют его "Вдовьи слезы", потому что оно стоит на границе у самого Гиблого леса. Там и доживешь свой век. Может, холодный северный ветер остудит твой пыл и научит ценить жизнь, которую я тебе сегодня великодушно сохранил.

Он подошел к прикроватному столику и бросил на него тугой кожаный кошель, который с тяжелым звоном ударился о полированное дерево.

— Этого хватит, чтобы не умереть с голоду в первый же месяц. А дальше — как знаешь. Можешь снова попытаться свести счеты с жизнью. Там свидетелей не будет, а если и будут, то мое имя, уже никто не потревожит.

Он развернулся и бесшумно пошел к выходу. У самой двери остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Повозка будет ждать на рассвете у задних ворот. Не

заставляй меня применять силу, Оливия.

Дверь за ним тихо закрылась, оставив меня одну в оглушительной, мертвой тишине. Я перевела взгляд с двери на кошель, потом на свои, но такие чужие, тонкие, изящные руки с длинными пальцами. Ссылка значит. Зброшенное имение на границе с Гиблым лесом.

И в этот самый момент, вместо страха или отчаяния, которые, наверное, должна была бы испытывать юная леди Оливия, я почувствовала укол злого, отчаянного веселья. Он думает, что сломал меня? Он думает, что я сдамся из-за «зброшенного имения»? Напугал ежа голым задом! Да у меня теперь есть то, о чем я и мечтать не могла: молодое, дай бог, здоровое тело, второй шанс прожить жизнь, еще и свой собственный дом с землей. Да мне в прошлой жизни, даже ипотеку не дали, чтобы свой дом купить, всю жизнь по коммуналкам.

А тут — целое имение! Пусть зброшенное, пусть у черта на куличках. Это детали.

«Ну что ж, лорд «собака злая», — подумала я, и на губах впервые за долгое время появилась слабая улыбка. — Посмотрим, кто кого. Ты еще не знаешь, на что способна женщина, получившая в собственность домик с участком».

После ухода лорда я еще долго лежала, глядя в потолок. Тишина, нарушаемая лишь потрескиванием догорающих свечей, давила на уши. Но постепенно усталость, смешанная с действием лекарственных снадобий, взяла свое, и я провалилась в тяжелый, липкий сон без сновидений.

Проснувшись я от ощущения, что в теле снова появилась жизнь. Боль в голове утихла, превратившись в глухое, но терпимое недомогание. Во рту больше не было омерзительного привкуса яда. Я села в кровати, и на этот раз мир не качнулся. Руки и ноги слушались. Неуверенно, со слабостью, как после долгой болезни, но слушались.

Первым делом — к зеркалу. Любопытство, чисто женское, пересилило и слабость, и страх. Опираясь на спинку кровати, а затем на стену, я, шатаясь, добрела до туалетного столика с большим зеркалом в тяжелой серебряной раме. И замерла, вцепившись в полированную поверхность.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка. И какая незнакомка! Боже, да я в свои восемнадцать такой красавицей не была. Длинные, густые волосы цвета спелой пшеницы растрепанным золотым водопадом рассыпались по плечам и спине. Огромные, синие, как васильки в поле, глаза с длиннющими, загнутыми ресницами сейчас были полны удивления. Кожа — нежная, фарфоровая, без единой морщинки.

Тонкая шея, изящные ключицы, проступающие под тонкой тканью ночной сорочки. Я подняла руку — и девушка в зеркале повторила мое движение.

Молодая, стройная, нежная. Я провела рукой по волосам, ощущая их шелковую тяжесть. Потрогала гладкую щеку. Да уж. После моего шестидесятитрехлетнего, измученного жизнью и огородам тела, это было... ошеломляюще. Второй шанс, завернутый в такую роскошную упаковку. И эта глупая девчонка решила все это бросить, променять на могильный холод. Из-за мужика! Пусть и красивого, как языческий бог, но все равно — козла. Какая же дура. Жалко ее до слез.

В дверь тихонько, почти неуверенно, постучали. В комнату, стараясь не шуметь, проскользнула служанка с подносом, на котором стояли кувшин и чашка. Увидев меня на ногах у зеркала, она на мгновение замерла.

— Госпожа... Вам же нельзя вставать. Магистр Элиас велел соблюдать покой.

Я медленно повернулась к ней. Девушка тут же опустила глаза, сделав едва заметный книксен.

— Воды, — сказала я просто. Голос все еще был слабым и хриплым.

Служанка, которую, кажется, молча кивнула и подошла к столику. Ее движения были быстрыми и точными. Когда она ставила поднос, рукав ее платья немного задрался, и я мельком увидела на ее руке темный, некрасивый синяк. Она тут

же это заметила и торопливым, почти вороватым движением одернула рукав.

Я нахмурилась.

— Ударилась?

Вопрос был задан без всякой задней мысли, но он ударил по девушке, как пощечина.

Она вздрогнула всем телом, поднос в ее руках звякнул и из чашки пролился чай. Она рухнула на колени, и из нее полился сбивчивый, панический шепот:

— Простите, госпожа! Умоляю, простите! Я... я нечаянно... Я буду лучше исполнять свои обязанности, госпожа! Только не наказывайте больше! Пожалуйста!

Я молча смотрела на ее трясущуюся спину. Наказание. За пролитый чай. Значит, этот синяк...

Холодная, злая ярость зародилась где-то в глубине души. Не на эту несчастную, перепуганную девочку. На ту, другую Оливию. Мало того, что сама жизнь не ценила, так еще и других мучила.

— Встань, — приказала я тише, чем хотела. Девушка вжала голову в плечи. — Встань, я сказала. И прекрати трястись. Я не собираюсь тебя наказывать.

Служанка с трудом, с недоверием поднялась на ноги, все еще не смея посмотреть на меня. От всего этого представле-

ния я почувствовала дикую, свинцовую усталость. Я доковыляла до кровати и бессильно рухнула на подушки, незаметно для себя снова проваливаясь в сон, пока где-то на периферии сознания слышался тихий плач перепуганной девушки.

Разбудил меня настойчивый, но тихий голос и серое пред-
рассветное небо за окном.

— Госпожа... Госпожа Оливия, пора вставать. Повозка уже ждет у задних ворот.

Я села, протирая глаза. Даже почувствовала себя отдохнувшей.

— Ваши сундуки уже в повозке, — доложила она, все еще держась на расстоянии. — Завтрак вам... не велено было подавать.

«Ну еще бы, — хмыкнула я про себя. — Ссылной преступнице — завтрак. Много чести».

— Но я... — девушка замялась и указала на плетеную корзину, стоявшую у двери. — Я собрала вам немного в дорогу. Хлеб, сыр, вяленое мясо... и фляга с водой.

Я посмотрела на нее с удивлением. После всего, что она, видимо, терпела от прежней хозяйки, эта доброта была... неожиданной. Надеюсь не плюнула во флягу.

— Спасибо.

Она робко улыбнулась.

— И вот... Господин велел передать.

Она протянула мне свернутый в трубку пергамент, перевязанный лентой. Я развернула. Это были документы. Официальная бумага с гербовой печатью, подтверждающая мое, то есть леди Оливии Райвен, право на владение землями и домом в поместье «Вдовьи слезы». Мое. Собственное.

— Документы о расторжении брака господин пришлет позже, когда все будет улажено в столице.

Я бережно свернула бумагу. Мой первый в жизни документ на собственность. Не на шесть соток, а на целое имение!

Когда я, одетая в простое, но добротное дорожное платье, спускалась по задней лестнице, я не могла сдержать улыбку до ушей. Свобода! Свой дом! Сама себе хозяйка! Никаких мужей-козлов и жестоких простихосподи козло-драконов.

Садясь в простую крытую повозку, я случайно подняла голову. И увидела его. В одном из окон верхнего этажа, в темном проеме, стояла фигура лорда Дарека Райвена. Он просто смотрел, как я уезжаю. Скрестив руки на груди, неподвижный, как статуя. Я не могла разобрать выражения его лица, но чувствовала его взгляд даже на расстоянии. Я чуть шире улыбнулась, почти оскалилась, и демонстративно поудобнее устроилась на сиденье. Смотри, мол, как я «страдаю».

Повозка тронулась. Всю дорогу я смотрела в окно, а пе-

ред глазами проносилась прошлая жизнь. Как Колька бросил меня с этим клеймом «пустоцвет». Как хоронила родителей. Как осталась совсем одна в своей коммуналке. И единственной отдушиной, единственной радостью была та самая дача. Мои грядки, мои помидоры, мои яблони. Мой маленький мир, где я была хозяйкой. А теперь у меня будет целый дом.

Мы ехали долго. Пейзаж за окном менялся. Пышные зеленые долины сменились более скудными, каменистыми землями. Деревня «Вдовьи слезы» оказалась именно такой, какой я ее представляла — несколько десятков серых, приземистых домишек, разбросанных по склону холма. Бедно, но не убого. Виднелись огороды, мычали коровы. Жизнь теплилась.

— А почему «Вдовьи слезы»? — спросила я у хмурого возничего.

Он покосился на меня.

— Так ведомо почему, госпожа. Деревня на самой границе с Гиблым лесом стоит. Раньше мужики наши то в лес за дровами, то на охоту... а обратно не все возвращались. Вот и жили в деревне одни вдовы, слезы лили.

— А сейчас? — уточнила я.

— Сейчас-то получше стало, — нехотя пробурчал возничий. — Теневой клан порядок более-менее навел. Жути всякой поменьше стало, тропы расчистили. Но название-то осталось.

— Теневой клан? — это словосочетание я слышала впервые и в памяти Оливии ничего не всплыло.

— А то, — оживился возничий, рад был поболтать. — Драконы со всех королевств. Изгнанники, преступники, ба-старды, кого из родов выгнали. Они в Гиблом лесу свою стаю, то есть клан, создали. Теперь сила! С ними считаться приходится, даже королям. Мощные стали, говорят, любое государство подмять могут, если войной пойдут. Зато в лесу своем порядок держат. Чужих не любят, но и нечисть гоняют.

Вот тебе и раз. Мое заброшенное имение, оказывается, на границе с резервацией драконов-уголовников. Весело.

Возничий довез меня до самого крупного дома в деревне, гаркнув пробегавшему мимо оборванному мальчишке: «Эй, пацан, где тут у вас староста?».

Мальчишка указал на дом, у которого мы и стояли. На крыльцо вышел крепкий седобородый мужик в простой, но чистой рубаше. Он смерил меня долгим, оценивающим взглядом, в котором не было ни подобострастия, ни враждебности — лишь спокойное любопытство хозяина, к которому приехали гости. Возничий спрыгнул с козел и протянул ему мои бумаги.

Староста внимательно, по слогам, прочитал документ, поднеся его близко к глазам. Он долго смотрел на гербовую печать, потом снова на меня. Наконец, цокнул языком.

— Значит, хозяйка новая, — констатировал он без особого удивления. — Что ж, добро пожаловать во «Вдовьи сле-

зы», госпожа. Давно господский дом пустует.

Он махнул рукой в сторону одиноко возвышающегося над деревней холма, к которому вела заросшая дорога.

— Ваш дом во-о-он там, на холме. Увидите.

Возничий, посчитав свою миссию выполненной, кивнул старосте и повел лошадей дальше, к началу подъема. Пока повозка тащилась по ухабам, я впервые смогла как следует рассмотреть свое новое владение.

Дом был... лучше, чем я боялась. Это был не развалившийся сарай, а крепкий двухэтажный остов из серого камня, похожий на спящего гиганта. Крыша, хоть и поросшая мхом, не провалилась. Стены оплетал дикий виноград, скрывая часть кладки. Окна, правда, черно зияли пустыми глазницами — стекол в них давно не было. Вокруг дома угадывался заросший, одичавший сад, где сквозь бурьян все еще можно было различить очертания старых аллей и развалины каменной ограды.

Это место, которое ждало своего часа. Ждало хозяйской руки. Моей руки.

Повозка остановилась у самого начала заросшей тропы. Возничий, кряхтя, сгрузил мои два сундука прямо в дорожную пыль, отряхнул руки и, не говоря ни слова, развернул лошадей.

— Ну, госпожа, дальше сами, — бросил он через плечо и уехал, оставив меня одну посреди дороги.

Я посмотрела на свои сундуки, потом на заросшую тропу, ведущую к моему новому дому. Вдохнула полной грудью. Воздух здесь был другим — чистым, пахнущим травами и лесом. Свободой.

Не успела я и шагу сделать, как со стороны деревни ко мне приблизилась группа мужчин. Они шли не спеша, с достоинством. Впереди шел староста, а за ним еще трое — хмурые, бородатые, с топорами, заткнутыми за пояса. Но топоры эти были не оружием, а рабочим инструментом. Они приближались молча, и в их взглядах я читала не угрозу, а настороженное, въедливое любопытство. Ну вот, встречаются. Хлеба-соли я и не ждала, но и на вилы пока не насаживают, и то хорошо.

Они остановились в нескольких шагах от меня. Мужики переводили взгляд с меня, городской, в чистом дорожном платье, на мои два сундука, а потом на заброшенный дом за моей спиной. Оценивали. И ждали. Ждали, что я скажу или сделаю. Мой первый экзамен в роли хозяйки имения «Вдовьи слезы» начинался.

Друзья, в рамках литмоба хочу познакомить вас с другой историей о попаданке в беременную.

<https://litnet.com/shrt/9enr>

Я умерла от сердечного приступа, когда бывший муж погубил моего малыша в аварии. А очнулась в теле беременной жены могущественного дракона, который ненавидит свою

жену, а ночи коротает с ее сестрой-двойняшкой. Он обещает отнять ребенка, как только тот родится, даже не подозревая, что мать, однажды убитая горем, больше никому не позволит подойти к своему малышу даже на пушечный выстрел

Первым тишину нарушил староста. Он медленно поскреб густую седую бороду, и его глубоко посаженные, выцветшие от времени глаза посмотрели на меня так, как, наверное, смотрят на неразумное дитя, затеявшее опасную игру с огнем. Взгляд не злой, но полный отеческого сомнения.

— Госпожа, вы это... всерьез? — его голос был ровным, без грубости, но каждое слово весило пуд. — Такая молодая, да одна. Что вам тут делать, на краю света? Места у нас тут беспокойные. Не дай бог, обидит кто.

Он значительно, словно вбивая гвоздь, кивнул в сторону темнеющей вдали стены Гиблого леса. Его спутники, как по команде, согласно и хмуро закивали, их обветренные лица выражали то же самое. Они не угрожали, нет. Они предостерегали. И, возможно, проверяли.

Я встретила его взгляд спокойно, не отводя глаз. Внутри все сжалось, но за шестьдесят три года жизни я научилась одному: паниковать перед чужими мужиками — последнее дело. Покажешь страх — съедят и не подавятся.

— Беспокойные? — я позволила себе легкое, почти незаметное удивление, чуть склонив голову набок. — Странно. Мне же возникший, совсем другое говорил. Говорил, что Теневой клан в лесу порядок навел. Что люди уже который год не гибнут. Разве ж это беспокойство? По-моему, это называ-

ется порядок. Стабильность.

Я сделала паузу, давая им переварить мои слова.

— А обидеть, — я обвела их спокойным, прямым взглядом, задерживаясь на каждом на долю секунды, — меня и в замке хотели. Ничего, как видите, жива пока.

Эффект был лучше, чем я ожидала. Мужики озадаченно переглянулись. В их глазах мелькнуло неподдельное удивление. Они-то, видать, ждали, что хрупкая городская барышня в слезы ударится или начнет лепетать, что все это ужасная ошибка. А я им про порядок, стабильность и про замок. Староста даже крикнул от неожиданности, и в его глазах промелькнула первая искра интереса.

— Так вы это... надолго к нам? — спросил он уже совсем другим тоном, в котором вместо сомнения пробивалось осторожное уважение.

— Навсегда, — ответила я твердо и просто, вкладывая в это слово всю свою решимость. — Это мой дом теперь и земли, все по закону. Так что придется вам ко мне привыкать. А мне — к вам.

Я намеренно не стала добавлять «помогите, пожалуйста» или что-то в этом роде. Просто перевела взгляд на два моих сундука, одиноко стоящих в пыли. Мол, дело ваше, конечно, но по-людски было бы помочь даме, которая только что с дороги и собирается быть хозяйкой, ваших земель на всю оставшуюся жизнь.

Староста еще раз поскреб бороду, внимательно посмот-

рел на своих товарищей, потом снова на меня. По его лицу было видно, как в голове у него что-то щелкнуло. Он принял решение.

— Ну, чего встали, как истуканы? — гаркнул он на остальных. — Не видите, госпоже помочь надо? Айда, мужики, за-тащим сундуки в дом.

Он полез за пазуху и протянул мне большой, ржавый железный ключ.

— Вот, держите, госпожа. От парадной двери.

Те, уже без всякой хмурости, а с каким-то даже мужицким азартом, подхватили мои пожитки. Я взяла ключ — тяжелый, холодный, и пошла впереди, прокладывая путь сквозь заросли крапивы и лопухов к парадному входу. Ключ со скрежетом повернулся в заржавевшем замке, и тяжелая дубовая дверь нехотя поддалась, открывая путь в мой новый мир.

Когда мы внесли сундуки в огромный, гулкий и невероятно пыльный холл, один из мужиков, самый молодой, с рыжей бородой, присвистнул и покачал головой.

— Да-а-а, работы тут... не на один сезон, — протянул он, оглядывая паутину по углам и облупившуюся штукатурку. — Окна-то все выбиты. Первым же осенним ветром все тепло выдует, госпожа.

— Стекольщика искать надо, — подхватил староста, авторитетно проводя рукой по пыльным перилам широкой лест-

ницы и оставляя на них чистую борозду. — Да где ж его взять...

— Как где? — искренне удивился рыжебородый. — Клину же может поставить! На рынке бывает по средам.

— Клину? Это кто еще такой? — спросила я, стараясь запомнить имя.

— Стекольщик, госпожа. Один на всю округу, — охотно пояснил староста, довольный возможностью просветить новую хозяйку. — Из Теневого он. Из клана. Других-то мастеров у нас в деревне не водится, мы все больше топором да плугом работаем. А эти... драконы... они на все руки мастера, когда захотят. Рукастые, черти. Так что, если что по дому нужно — плотника хорошего, кузнеца или вот, стекольщика, — это к ним. На рынок они за продуктами нашими ходят, там и выловить можно.

Разговор на этом иссяк. Мужики явно чувствовали себя неловко в господском доме. Они потоптались, поозирались, и староста скомандовал:

— Ну, бывайте, госпожа. Располагайтесь. Если что понадобится — вы знаете, где меня найти.

Они ушли, и дверь за ними закрылась, отрезав меня от внешнего мира. Я осталась одна в моем новом доме. Я стояла посреди огромного холла, и тишина оглушала. Солнечные лучи пробивались сквозь пустые оконные проемы, рисуя на вековом слое пыли на полу светлые квадраты, в ко-

торых кружились мириады пылинок. Пахло старым камнем, высохшим деревом, мышами и забвением.

Я медленно пошла осматривать свои владения. Холл был огромен, с плавно изгибающейся лестницей. Прямо по курсу виднелись двустворчатые двери в главный зал. Я толкнула их, и они со скрипом отворились. Там, под белыми саванами чехлов, угадывались очертания диванов и кресел. В центре комнаты чернел камин, размером с мою старую кухню в коммуналке. Сердце дома, которое давно не билось.

Но меня тянуло не в парадные залы. Моя практичная душа рвалась в кухню. Она оказалась в боковом крыле, и когда я вошла туда, у меня перехватило дыхание. Она была великолепна! Огромная, с полом из широких каменных плит, с массивным дубовым столом посередине, на котором могла бы танцевать вся деревня. И очаг! Настоящий очаг, в котором можно было бы зажарить целого быка. В углу — глубокая каменная мойка и ручной чугунный насос для воды. Не работает, конечно, но он есть! А рядом — заветная дверь в кладовую. Холодную, темную, с каменными полками от пола до самого потолка. Я провела по ним рукой, сдувая пыль, и мысленно уже расставляла ряды банок с соленьями, компотами и вареньем.

С колотящимся сердцем я поднялась на второй этаж. Спальни. Много спален. Большинство из них были пустыми и унылыми, с голыми стенами и гуляющим в пустых окнах ветром. Но одна, угловая, с видом на лес и деревню, была

почти в порядке. Там даже стояла широкая кровать с остатками матраса, набитого какой-то слежавшейся, но душистой травой. Здесь я и устроюсь.

Я подошла к пустому оконному проему и оперлась на подоконник. Я стояла и смотрела на свои новые земли. Внизу, как на ладони, расстилалась деревня. А за ней, до самого горизонта, — безбрежное море леса. Гиблый лес. Дом драконов-изгоев.

Да, мой дом был запущен. Да, впереди была прорва работы. Но впервые за много-много лет я почувствовала не всепоглощающую усталость, а невероятный прилив сил. Это все было мое. Моя земля. Мой дом. Мои проблемы. И моя будущая, новая жизнь.

«Ну что, домик, — подумала я, проводя рукой по теплому от солнца камню подоконника.— Будем знакомиться. Кажется, мы с тобой подружимся».

Дорогие мои, буду рада вашей поддержке. Нажмите "мне нравится", оставьте свой комментарий, всех вижу, всех читаю, всех люблю!

Конечно, масштаб запустения был колоссальным. Десятилетия пыли, паутины и забвения смотрели на меня из каждого угла. Какая-нибудь нежная барышня, вроде прежней Оливии, наверняка села бы на сундук и зарыдала от отчаяния. Но бывалая женщина внутри меня, закаленная битвами за урожай и войной с тараканами в коммуналке, видела не разруху, а фронт работ. Огромный, сложный, но безумно интересный проект. А любой большой проект начинается с плана.

План был прост: завоевывать дом по частям. Создать себе «базу», цитадель чистоты и порядка, откуда я буду совершать вылазки на остальную территорию. И этой цитаделью станет та самая угловая спальня на втором этаже. Но для войны нужны инструменты.

Я спустилась вниз, оставив сундуки нетронутыми, и отправилась на поиски хозяйственного инвентаря. Логика подсказывала, что он должен быть где-то рядом с кухней. И точно, за кухней обнаружилась небольшая дверь, ведущая в то, что можно было бы назвать бытовкой или чуланом. И — о, чудо! — там, в углу, стоял мой будущий арсенал: пара крепких деревянных ведер, несколько истлевших, но еще живых тряпок и, самое главное, веник. Не метла, а именно веник, связанный из каких-то упругих прутьев. Пыльный, в паутине, но абсолютно боеспособный.

Схватив трофеи, я направилась наверх. По пути мой взгляд зацепился за вид из большого окна на лестнице. Там, во дворе, за домом, среди зарослей бурьяна, виднелся каменный сруб колодца. Колодец! Не речка за три версты, а свой колодец, под боком! Господи, да это же половина успеха! Мое дачное сердце запело. Я уже видела аккуратные грядки, которые разобью прямо под окнами кухни. Помидорчики, огурчики, кабачки, зелень... Вода для полива будет всегда под рукой. А что у меня будут грядки, я не сомневалась ни на секунду. Земля есть, руки на месте, тело молодое — грех таким шансом не воспользоваться.

Воодушевленная этой мыслью, я с новыми силами принялась за работу. Первым делом — уборка. Я обмотала волосы куском какой-то ветоши, найденной в сундуке, и принялась за дело. Веник в руках лежал непривычно — тело Оливии было не знакомо с такой работой, но память моя была сильнее. Я мела так, будто выметала из дома не только пыль и сор, но и всю прошлую тоску и отчаяние. Облака пыли стояли столбом. Из-под кровати я выгребла несколько мышиных гнезд и кучу мусора.

Старый матрас, набитый слежавшейся прелой соломой, я с трудом выволокла из комнаты и безжалостно вышвырнула прямо из оконного проема во двор. Лети, прощай, прошлое! Туда же отправились истлевшие остатки занавесок и прочий хлам.

Следующий этап — вода. С ведрами наперевес я спусти-

лась к колодцу. Цепь заржавела, ворот скрипел так, что, казалось, плакал от натуги, но он работал! И вода в колодце была. Ледяная, чистая, с запахом камня и глубины. Натаскать четыре ведра на второй этаж оказалось той еще задачкой для этого изнеженного аристократического тела. К концу я дышала, как загнанная лошадь, но была страшно довольна собой.

Я отмыла свою комнату. Драила каменный пол, оттирала пыль со стен, отмывала подоконник. Вместе с грязью уходил и запах тлена, комната наполнялась свежестью и запахом мокрого камня. Рядом со спальней оказалась и ванная комната — роскошь по моим меркам. С настоящей ванной на ножках-лапах и даже отдельным «ночным горшком» из фаянса. Насос для воды, конечно, не работал, но сама комната была в приличном состоянии. Ее я тоже отмыла.

Теперь постель. Спать на голых досках не хотелось. Я устроила рейд по другим спальням. В одной нашла вполне приличную подушку в наволочке из тонкого полотна, в другой — теплое шерстяное одеяло, поеденное молью лишь по самому краешку. А в самой дальней комнате, в огромном шкафу, лежал почти новый матрас, набитый, судя по запаху, сухой лавандой и вереском. Видимо, гостевой, которым почти не пользовались. Бинго!

Все это добро я вытащила на улицу. Нашла во дворе перекладину, где когда-то сушили белье, и принялась выбивать из матраса и одеяла вековую пыль. Я колотила по ним пал-

кой с таким остервенением, что с соседнего дерева испуганно взлетела стая ворон. Пыль стояла столбом, но я чувствовала невероятное удовлетворение. Потом я оставила все это богатство проветриваться на свежем, прохладном ветерке и греться на нежарком северном солнышке.

И тут мне в голову пришла гениальная, как мне показалось, мысль. Окна! Пустые глазницы окон впускали в комнату не только свет, но и пронизывающий ветер. Я спустилась в парадный зал. Там, на огромных окнах, висели тяжелые портьеры из темно-синего бархата. Пыльные, выцветшие, но целые. Снять их в одиночку было непросто, но я справилась. Вытащила их во двор, встрясла так, что чуть не задохнулась, а потом... постирала. Прямо в ведре, колодезной водой, с крохотным обмылком душистого мыла, который я нашла на кухне. Вода после них была черной. Выжать эти тяжеленные махины было почти невозможно, но я старалась.

А потом, не высушивая, я потащила их, мокрые и тяжелые, наверх и повесила в пустые оконные проемы своей спальни. Мокрая тяжелая ткань натянулась под собственным весом, разглаживаясь лучше любого утюга. Она намертво перекрыла доступ ветру, и в комнате сразу стало тише и уютнее. Да, темно, но зато тепло! А сдвинуть такие шторы с места сможет разве что ураган.

К вечеру, когда солнце начало клониться к лесу, я занесла свою благоухающую свежестью постель. Распаковала сундуки. Чего там только не было! Стопки тонкого белья, несколь-

ко платьев — от простых до вычурных, теплые чулки, свечи, стопка чистой бумаги, перья и чернильница. Даже шкатулка с немногочисленными, но дорогими украшениями Оливии. И на самом дне, лежал большой, мягкий плед из темного меха.

Я расставила свечи, разложила вещи в чистом шкафу. Застилаю кровать. Натаскала еще два ведра воды в ванную. Ополоснулась в ледяной воде, смывая с себя пот и пыль. Это было пыткой и блаженством одновременно.

Переодевшись в чистую ночную рубашку, я забралась в свою новую кровать. Тело гудело от усталости, но на душе было светло и спокойно. Я лежала в своей собственной, чистой комнате, в своем собственном доме, укрытая теплым одеялом, и смотрела, как пляшут тени от свечи на потолке.

И, засыпая, мысленно накидывала себе целый список дел на завтра: растопить очаг на кухне, разобраться с припасами из корзинки, исследовать сад на предмет съедобных растений, а в среду... в среду обязательно пойти на рынок. Нужно было познакомиться с этим таинственным стекольщиком Клином.

Дорогие мои, буду рада вашей поддержке. Нажмите "мне нравится", оставьте свой комментарий, всех вижу, всех читаю, всех люблю!

Утро встретило меня ласковым пением птиц, и протестующим скрипом каждой мышцы. Молодое, сильное тело, оказывается, тоже умело болеть. Вчерашний трудовой энтузиазм аукнулся тупой, ноющей болью в спине, плечах и руках, совершенно непривычных к такой нагрузке. Но это была хорошая, правильная боль. Боль от созидательной работы. Я села на своей новой, пахнущей солнцем и лавандой постели и с удивлением поняла, что впервые за много-много лет проснулась не потому, что надо, а потому, что хочется. Хочется встать, жить и действовать.

Первым делом я спустилась вниз, в гулкий холл, где меня ждала плетеная корзина от служанки. Вчера на нервах я даже не заглянула в нее, но сегодня живот не просто урчал, а гудел как паровоз, настойчиво напоминая, что я теперь — растущий молодой организм, которому требуется топливо.

Я подняла крышку. Внутри, аккуратно завернутые в чистую тряпицу, лежали щедрая краюха серого, ноздреватого хлеба, приличный кусок желтого, остро пахнущего сыра и несколько полосок темного вяленого мяса. Хорошая душа. Или хитрая, решившая подкормить бывшую хозяйку из страха. Время покажет. Но за завтрак — огромное человеческое спасибо.

Мой первый завтрак в собственном доме. Я не стала есть в

пыльной столовой. Взяв еду, я вышла на задний двор, присела на теплые от утреннего солнца каменные ступени и устроила пир. Ломти сыра и хлеба, запиваемые ледяной, хрустальной водой из колодца. Простая еда никогда не казалась мне такой вкусной. Я сидела, щурясь на солнце, и смотрела на свой заросший сад. Нет, не заросший. Ждущий.

Покончив с завтраком, я с новыми силами вернулась в дом. Следующий пункт плана — кухня. Если спальня — это цитадель, то кухня — это сердце, штаб и оружейная в одном флаконе. Я потратила на нее почти полдня. Сначала была битва с паутиной, которая свисала с потолочных балок, как седые бороды вековых старцев. Потом я выгребла из огромного очага горы золы и какого-то мусора, оставленного последними обитателями — мышами. И только потом началась большая стирка. Я отдраила каменный пол дочиста, и он из серого стал почти белым. Отмыла огромный дубовый стол — он оказался невероятно красивым, с резными ножками и столешницей, исполосованной следами сотен тысяч ножей. Это была не мебель, а летопись жизни.

И все это время меня, как заноза, преследовало одно сожаление. Каменная мойка с массивным чугунным насосом. Я подергала за ручку — ноль реакции. Насос молчал, как партизан на допросе. Я осмотрела его со всех сторон, даже постучала по нему — бесполезно. Таскать воду ведрами из колодца — это, конечно, полезная зарядка, но иметь воду прямо в доме... это уже цивилизация. А я по цивилизации,

как ни странно, соскучилась. Починить его. Это стало идеей фикс, главным пунктом в моем списке дел.

Кроме того, мне по зарез нужны были припасы. Чай! Я умирала без чая. Мысли о чашке горячего, ароматного, терпкого напитка были почти невыносимы. А еще — семена. Нужно было узнать, что здесь вообще растет и где это достать. Все дороги вели на рынок. Взяв с собой кошель с монетами, который швырнул мне на прощание лорд Райвен, я направилась в деревню.

Рынок оказался небольшой площадью в центре деревни, где толпилось несколько десятков человек. Шум, гам, запахи сена, навоза, свежего хлеба и копченой рыбы. Торговали всем понемногу: овощами с огородов, какими-то копченостями, глиняной посудой, простыми тканями. Я купила у словоохотливой, полной женщины мешочек сушеных трав, которые она назвала «горным чаем», и, пользуясь ее благодушным настроением, поинтересовалась, где тут можно найти человека, который разбирается в насосах.

— В насосах? — удивилась женщина, вытирая руки о фартук. — Э-э, милая госпожа, это вам к Клану надо. К Теневым. У них там умельцы на все руки, не то что наши мужики. Завтра приходите, среда — большой базарный день. Клин точно будет, а с ним, может, и еще кто из ихних придет. У драконов-то магия есть, они вам не то что насос, они вам и душу починят, если в настроении будут.

Драконы-сантехники. Дожили. Поблагодарив женщину, я

решила больше не искушать судьбу и пойти домой. Семена можно купить и в следующий раз.

Уже уходя с рыночной площади, я услышала нарастающий шум и испуганные крики. Толпа расступилась, как вода перед ледоколом, и прямо мне под ноги, скуля от страха и боли, забился... кто-то. Большой, лохматый, черный как уголь щенок размером с хорошего годовалого теленка. Он дрожал всем телом, поджав хвост, и в его желтых, умных, почти человеческих глазах стоял дикий ужас. За ним с криками бежали трое мужиков с дубинами, и я с удивлением узнала в них тех самых, что вчера помогали мне с сундуками.

— А ну прочь от госпожи! — крикнул один из них, заматываясь палкой. — Это жуть из Гиблого леса! Щенок теневого волка! Их истреблять надо, пока не выросли!

— Он же на людей кидается! — вторил ему другой, обходя меня сбоку.

Щенок прижался к моим ногам, и я почувствовала, как часто и гулко колотится его сердце. Он был теплым, живым и до смерти напуганным. А я смотрела на мужиков. Мужики, что в моем мире, что в этом — чуть что непонятное, сразу за дрын или топор. Логика простая, как хозяйственное мыло.

— Стойте, — сказала я громко и властно. Мой голос прозвенел в наступившей тишине. Они замерли в нескольких шагах, не решаясь подойти ближе.

Я медленно, чтобы не напугать зверя еще больше, нахло-

нилась и положила руку на его голову. Шерсть была жесткой, как старая щетка, но под ней чувствовалась горячая, трепещущая жизнь. Он не огрызнулся, только заскулил тише и ткнулся мокрым носом в мою ладонь.

— Говорите, жуть из Гиблого леса? — спросила я, выпрямляясь и глядя прямо на них. — Опасный?

— Еще какой опасный! — уверенно подтвердил главный заводила.

— Отлично, — кивнула я с самым серьезным видом, который только смогла изобразить. — Мне как раз такая жуть и нужна, чтобы мой пустой дом на отшибе охранять. Раз он такой опасный, значит, воры и лихие люди ко мне точно не сунутся. Будет моя личная, карманная жуть. Чем злее, тем лучше.

Мужики опешили. Их простые крестьянские мозги явно не были готовы к такому повороту. Они хотели убить монстра во имя всеобщей безопасности, а я предлагала взять его на работу в качестве охраны. Моя логика была для них чуждой, но в ней был свой, железный, хозяйственный смысл.

— Так он же... он же... — начал было один, но сбился, не находя слов.

— Он теперь мой, — отрезала я, обрывая его лепет. — Он на моих землях, у моих ног. Я его забираю. Ясно?

Я не стала дожидаться ответа. Уверенно взяла щенка за загривок и, несмотря на его протестующее поскуливание, повела за собой в сторону своего дома. Он упирался первые

несколько шагов, а потом, видимо, поняв, что я не причиню ему вреда, покорно потрусил рядом.

Когда я уходила, я слышала за спиной приглушенный шепот, доносившийся из толпы.

— Видали? И не боится...

— Странная госпожа. Совсем молодая, а говорит, как сто лет прожила.

— И зверь лесной к ней прибил, может, магичка она? Надо к ней присмотреться повнимательнее...

— Да уж, бесстрашная.

— Или безумная...

— Или магичка, говорю же!

Я шла домой, а рядом со мной, уже не упираясь, трусил огромный черный щенок. «Жуть», «ужас из леса»... Пусть так. Значит, звать тебя буду Мрак. И ты будешь моим Мраком. Моим первым и, надеюсь, верным другом в этом мире.

Дарек

— ...таким образом, доход от южных рудников в этом квартале превысил прогнозируемый на семь процентов. Рекомендую направить излишек на укрепление западной стены, милорд.

Голос управляющего, Герберта, был ровным и монотонным, как капающая с потолка вода в подземелье. Он стоял у моего стола, прямой как палка, и его лицо не выражало ничего, кроме деловой сосредоточенности. Обычно я ценил это качество. Идеальный служащий — эффективный, незаметный и абсолютно лишенный эмоций. Но сегодня его бесстрастность лишь подчеркивала оглушительную, неестественную тишину, что воцарилась в моем замке. Тишину, которая звенела в ушах после ее отъезда.

Я сидел за массивным столом из черного дерева, пропахшего веками чернилами и воском, и делал вид, что внимательно изучаю столбец цифр в отчете. Но буквы и цифры расплывались, а взгляд то и дело устремлялся к высокому стрельчатому окну. Туда, где за толстым стеклом простиралось холодное, безразличное северное небо. Где-то там, под этим же небом, была она.

— Милорд? — в голосе Герберта прозвучала едва заметная вопросительная нотка. Он заметил мою рассеянность.

Я вздрогнул, возвращаясь из своих мыслей, и заставил себя сфокусироваться на пергаменте.

— Да, Герберт. Хорошее предложение. Разумно. Подготовь указ.

— Слушаюсь, милорд. — Управляющий поклонился и уже было собрался выйти, но я остановил его резким жестом.

— Документы о расторжении брака готовы?

Герберт на мгновение замялся, его взгляд на долю секунды скользнул в сторону.

— Почти, милорд. Юристы в столице готовят окончательный вариант. Требуется ваше подтверждение по размеру содержания и статусу... леди Оливии после расторжения. Процесс может занять еще несколько недель, пока все инстанции...

Я сжал кулаки под столом так, что костяшки побелели. Несколько недель. Значит, еще несколько проклятых недель она формально будет носить мое имя. Мое. Будет леди Райвен.

— Оставь, — мой голос прозвучал резче, чем я хотел. — Я просмотрю позже. Можешь идти.

Управляющий вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Я снова остался один. Один в своем огромном, холодном замке, который внезапно стал казаться чужим и пустым. Рань-

ше я не замечал этой холодной пустоты. Или просто не хотел замечать, заполняя ее работой, отчетами, планами.

Я откинулся в кресле и потерял виски. Проклятая девчонка. Даже уехав, она умудрилась нарушить мой покой, мою выверенную до мелочей жизнь. Я не мог сосредоточиться. Образ, который я тщетно пытался изгнать из головы последние два дня, снова встал перед глазами с болезненной ясностью.

Повозка у задних ворот. Ее хрупкая фигура в простом, невыразительном дорожном платье. Я смотрел из окна своего кабинета, скрытый тенью, ожидая финала этой жалкой пьесы. Я был уверен, что увижу. Знал, что она будет рыдать, цепляться за колеса, молить о прощении. Я ждал истерики, криков, проклятий — всего того, к чему я привык за год нашей совместной жизни. Я ждал, что она бросится мне в ноги, как делала уже не раз после своих взбалмошных выходов, будет умолять не отправлять ее в эту глушь, а оставить в обещанном доме в столице. Будет клясться, что все поняла, что будет тихой и послушной. Я был готов к этому. Готов холодно отказать и с мрачным удовлетворением наблюдать за ее унижением. Это было бы логичным завершением ее глупости.

Но она... она улыбалась.

Когда она садилась в повозку, то подняла голову, и на мгновение наши взгляды встретились через разделявшее нас расстояние. И она улыбалась. Не смиренно, не горько, не истерично. Это была странная, спокойная, почти насмешливая

улыбка. Улыбка человека, который только что выиграл, а не проиграл. А потом она демонстративно, с комфортом устроилась на сидении и отвернулась, словно я был для нее пустым местом, не более чем частью пейзажа.

Что это, черт возьми, было?

Я встал и заходил по кабинету, от стены к стене. Год. Целый год я терпел ее. Эту красивую, избалованную, взбалмошную девчонку с глазами цвета летнего неба. Я взял ее из захудалого, обедневшего рода, дал ей свое древнее имя, статус, богатство, о котором ее отец не мог и мечтать. Я осыпал ее подарками, терпел ее капризы и внезапные перепады настроения.

Терпел, как она изводила слуг за малейшую провинность. Я отчетливо помнил тот случай с разлитым чаем — как она вопила, будто ее режут, и требовала высечь служанку на конюшне. Тогда я не придавал этому значения — женские истерики, свойственные избалованным аристократкам. Я просто приказал управляющему выдать девушке компенсацию и забыл об этом. Но теперь...

Я просил от нее лишь одного. Не любви, не преданности. Я просил долга. Наследника. Продолжателя рода Райвен. Для дракона это не просто желание, это суть существования. Но она оказалась пустоцветом. Красивой, но бесполезной куклой.

А потом — этот ее концерт с ядом. Какая жалкая, театральная попытка манипуляции! Она думала, что я испу-

гаюсь? Что брошусь к ее постели, умоляя жить? Нет. Первой моей мыслью была ледяная ярость. Ярость от того, что эта глупая девчонка своей смертью хотела наложить на меня трехлетний траур. Отнять у меня три года, которые я мог бы потратить на поиски новой, здоровой жены.

И вот теперь — эта улыбка. Она не вязалась ни с чем. Ни с ее прошлым поведением, ни с образом сломленной, отвергнутой женщины. Может, она просто сошла с ума от горя? Головой поехала, как говорят в народе? Эта мысль была самой логичной. И самой тревожной.

Безумная, обиженная женщина, сосланная в имение, которое теперь по документам принадлежит ей. Что она может там натворить? Мысли лезли в голову одна хуже другой. А что, если она решит выместить свою злобу на ни в чем не повинных людях? Начнет избивать их, как избивала слуг в замке? Устроит им там свои концерты? Позор ляжет не только на нее, но и на меня. Потому что она все еще носит имя Райвен. Тень на репутацию моего рода! Скажут, лорд Райвен не смог справиться с женой и сослал сумасшедшую садистку терроризировать глухую деревню. Мои враги в столице будут в восторге от такого подарка.

Я с силой ударил кулаком по столу. Проклятье!

Я переживаю не за нее. Конечно, нет. Женщина, способная на такую глупость, как самоубийство из-за развода, не заслуживает моих переживаний. Она — отыгранная карта, решенная проблема. Я беспокоюсь о чести своего имени. О мо-

ей ответственности как лорда. О моей репутации. Да, именно так. Я должен убедиться, что она не устроила там хаос и не позорит имя, которое я ей так неосмотрительно дал. Это мой долг как главы рода.

Я подошел к двери и распахнул ее.

— Герберт!

Управляющий возник в коридоре почти мгновенно, слово только и ждал моего зова.

— Да, милорд?

— Я отбываю в северные земли. Немедленно. Приготовь мою дорожную карету.

Герберт удивленно вскинул брови. Поездка в такую даль, не входила ни в какие планы. Это было импульсивно, а я никогда не поступал импульсивно.

— Слушаюсь, милорд. Но могу я узнать цель поездки? Для отчетов.

— Инспекция, — отрезал я, направляясь к выходу из замка. Я не побегу туда, как обеспокоенный муж. Я прибуду как лорд, с полной властью и официальным визитом. — Я еду проинспектировать, как обстоят дела в имении «Вдовьи слезы».

Нужно было увидеть все своими глазами. Убедиться, что эта взбалмошная девчонка сидит тихо и не творит бед. И ес-

ли я ошибся... если та улыбка была чем-то иным... Тем более я должен был это выяснить. И как можно скорее.

Я шла домой, а рядом со мной, уже не упираясь, трусил огромный черный щенок. «Жуть», «ужас из леса»... Пусть так. Значит, звать тебя буду Мрак. И ты будешь моим Мраком. Моим первым и, надеюсь, верным другом в этом мире. А то, что у него зубы как небольшие кинжалы, а лапы размером с мою ладонь, — это детали. Зато солидно. Никто не посмеет лишний раз вопросы задавать.

Когда мы добрались до дома, Мрак заупрявился у порога. Он уперся всеми четырьмя лапами, заскулил и посмотрел на темный проем двери так, будто я приглашала его в пасть к другому, более крупному хищнику. Его инстинкт, видимо, кричал ему, что заходить в логово, пахнущее пылью и забвением, — плохая идея. Пришлось применить хитрость и тяжелую артиллерию — еду.

Я оставила его на крыльце, а сама зашла в дом и вернулась с сокровищем — последним кусочком вяленого мяса из корзинки. Села на корточки в нескольких шагах от него и, как заправская дрессировщица на арене цирка, протянула угощение на ладони.

— Иди сюда, жуть моя карманная. Не бойся. Это теперь и твой дом. Ипотеку платить не надо, за коммуналку тоже. Считаю, выиграл в лотерею. Главный приз — я. И миска с

едой, если будешь хорошо себя вести.

Он долго смотрел то на мясо, то на меня, его желтые глаза были полны раздумий. Еда победила. Он сделал один неуверенный шаг, потом второй. И вот его мокрый, холодный нос ткнулся в мою ладонь, и мясо исчезло в его пасти в мгновение ока. Я осторожно погладила его по загривку, и он не отшатнулся. Первая победа.

Так, мелкими шажками и уговорами в стиле «да тут не страшно, тут только пыль и мыши, но они маленькие», я все же заманила его внутрь. Он тут же забился в самый темный угол холла, сжался в комок и затих там, превратившись в лохматую тень. Ну и ладно. Главное, что он здесь, в тепле и безопасности. Акклиматизируется.

Продолжила день — чаепитием. Я растопила очаг на кухне — на это ушло немало времени, несколько не самых аристократичных выражений в адрес сырых дров и одна сломанная лучина. Но в итоге в чугунном котелке весело заплясала вода, и я заварила «горный чай», купленный на рынке. Аромат, который поплыл по кухне, был божественным! Он пах травами, медом и далекими горами. Я сидела за своим отмытым столом, держа в руках горячую глиняную кружку, и чувствовала себя абсолютно счастливой. Маленькая, но такая важная победа над хаосом.

Пока я наслаждалась моментом, из тени в углу высунулась любопытная черная морда. Мрак, привлеченный запахами и теплом, выполз на середину кухни и уселся, наблю-

дая за мной. Я отломилла ему кусок хлеба, и он съел его с такой жадностью, будто не ел неделю. Так мы и сидели: я пила чай, он грыз хлеб, и между нами рождалось что-то похожее на доверие.

После чая работа снова закипела. Я решила отвоевать у разрухи еще две комнаты рядом со своей спальней. Работа шла по накатанной: вымести, вынести хлам, отмыть.

И вот тут Мрак показал свой истинный характер. Тревожный и запуганный зверь куда-то испарился. Вместо него появился огромный, неуклюжий и невероятно веселый щенок. Он с заливистым, басистым лаем гонялся за моим веником, пытаясь отобрать его. Он с азартом ловил пылинки в солнечных лучах, смешно щелкая зубами. В какой-то момент он обнаружил собственное отражение в ведре с водой и минут десять грозно рычал на наглого черного пса, который оттуда на него смотрел. Я смеялась до слез, глядя на него. Опасная жуть из Гиблого леса оказалась просто большим, глупым ребенком.

Когда я выносила во двор очередной ворох старых тряпок, то заметила движение в кустах сирени у развалившейся ограды. Несколько пар любопытных детских глаз следили за каждым моим движением. Местная разведка. Я сделала вид, что не замечаю их, но когда резко повернулась, кусты затряслись, и оттуда с визгом и криками: «Она нас увидела! Бежим! Магичка!» — высыпалась ватага ребятишек и бросилась наутек в сторону деревни. Я лишь усмехнулась им

вслед. Магичка, значит. Ну-ну.

К вечеру я валилась с ног. Две комнаты были отмыты, но я чувствовала себя так, будто разгрузила вагон с углем. Мышцы болели нещадно, голова кружилась. Я попыталась съесть остатки сыра, но к горлу подкатила тошнота. Я списала это на переутомление. Изнеженный организм Оливии, привыкший к пирожным и бульонам, видимо, бунтовал против таких физических нагрузок и простого сыра.

— Не хочешь — как хочешь, — пробормотала я, обращаясь к своему капризному телу, и отдала весь сыр и хлеб Мраку.

Тот с благодарностью умял все до последней крошки и с обожанием посмотрел на меня. Кажется, я окончательно завоевала его сердце через желудок. Проверенный, веками испытанный метод, работает в любом мире.

Приняв ледяную «ванну» — то есть ополоснувшись из ведра, — я, шатаясь от усталости, добрела до своей спальни. Моя маленькая цитадель чистоты казалась раем на земле. Я зажгла свечу, переоделась в чистую рубашку и рухнула в кровать. Тело гудело, как растревоженный улей, но на душе было светло и спокойно.

Я уже почти заснула, когда услышала тихое поскуливание и шарканье когтей по полу. Я приоткрыла один глаз. Мрак стоял в дверях, не решаясь войти. Он переминался с лапы на лапу и жалобно смотрел на меня.

— Ну, чего стоишь? Заходи, раз пришел, — пробормотала

я сонно. — Арендную плату я с тебя все равно не возьму.

Он несмело вошел в комнату. Я указала на старый, но чистый коврик, который постелила у кровати.

— Ложись здесь. Будешь мою спальню охранять, жуть ты моя. Только не храпи, умоляю.

Он все понял. Подошел к коврику, покрутился на месте, устраиваясь поудобнее, и наконец улегся, положив свою огромную голову на лапы. Он вздохнул так громко и горестно, как может вздохнуть только очень большая собака, нашедшая наконец свой дом.

Я лежала в темноте, слушая его мерное, спокойное дыхание. Я была не одна в этом мире.

Утро началось с осознания двух фактов. Первый: мое новое тело, несмотря на молодость, было совершенно не готово к трудовым подвигам. Второй: я больше не одна. Из угла моей спальни, где на коврике спал Мрак, доносилось тихое, сонное посапывание.

— Подъем, карманная жуть! — скомандовала я, с кряхтением садясь на кровати. — Нас ждут великие дела. А точнее, рынок.

Мрак поднял свою огромную голову, зевнул, продемонстрировав пасть, в которой могла бы поместиться моя голова, и вильнул хвостом. Кажется, он был готов к великим делам, особенно если они включали еду.

Но тут возникла проблема. Идти с таким «щенком» по де-

ревне без повода было верхом безумия. Люди и так шараются, а если он за кем-то погонится, пусть даже из игры, — быть беде. Нужен был поводок. Но из чего его делать?

Мой взгляд упал на тяжелые бархатные портьеры, которые я сняла с парадного зала, отстирала, но не нашла применения, из-за прогнившей местами ткани. Из разряда и нать не надо и выкинуть жалко.

Идеально! Я отрезала от одной из них длинную, прочную полосу ткани. На одном конце завязала петлю-ошейник, другой конец крепко обмотала вокруг руки. Получилось не слишком изящно, но на удивление надежно.

— Примерка, ваше мракобесие, — объявила я.

Мрак отнесся к новому аксессуару с глубоким подозрением. Он пытался его сгрызть, стянуть лапой, катался по полу, изображая смертельные муки. Но я была непреклонна. Через пять минут уговоров и демонстрации последнего кусочка сыра он смирился и даже, как мне показалось, гордо выпрямился. Еще бы, поводок из бархата! Не у каждой столичной болонки такой есть, наверное, кто их знает.

Наш выход в свет произвел фурор. Деревня, которая до этого жила своей жизнью, замерла. Люди расступались перед нами, как море перед пророком. Женщины хватали детей и прятались за дверьми, мужики хмуро отводили взгляды, крепче сжимая топоры. Я шла с гордо поднятой головой, делая вид, что так и надо, а рядом, неуклюже переставляя свои огромные лапы, шел Мрак, с любопытством озираясь

по сторонам. Мы были как королева и ее личный дракон на прогулке. Ну, почти.

Рынок встретил нас той же волной тишины, которая быстро сменилась испуганным шепотом. Торговцы на всякий случай отодвигали свои лотки подальше. Меня это только забавляло. Зато никакой толкучки и очередей.

Первым делом — еда. Я подошла к лавке, где торговали птицей.

— Доброго дня. Мне нужна курица. Хорошая, упитанная. На суп.

Торговец, испуганно косясь на Мрака, который сел у моих ног и положил голову мне на сапог, протянул мне самую тощую и синюшную курицу, какую только смог найти.

— Вот, госпожа... самая лучшая.

Я смирила его ироничным взглядом.

— Лучшая? Вы уверены, что она умерла не своей смертью, и не от тоски по лучшей доле? Давайте-ка вон ту, поупитаннее. Не оставляйте мою собаку голодной.

Мрак, словно поняв меня, лениво приоткрыл пасть и зевнул. Торговец побледнел и тут же протянул мне самую жирную курицу, какая у него была. Так же легко я закупила ово-

щей на суп и даже мешочек какой-то крупы.

Теперь главная задача — найти стекольщика. И водопроводчика. В одном лице. Драконьем. Я поспрашивала у торговцев, и мне с опаской указали на край площади. Там, в стороне от всех, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, одетый в темную, потертую кожу, он не торговал, а просто наблюдал за суетой с ленивым презрением хищника. Он не был красив той идеальной красотой, как Дарек. Его лицо было грубым, обветренным, со старым шрамом, пересекающим бровь. Но в нем чувствовалась такая первобытная, опасная сила, что колени сами собой становились ватными.

Я глубоко вздохнула и направилась к нему.

— Доброго дня. Вы Клин?

Он медленно перевел на меня свой тяжелый взгляд. Глаза у него были странного, почти золотого цвета, как у ястреба.

— А если и Клин, что тебе надобно, леди? — его голос был низким и хриплым, с нотками металла.

Он смерил меня взглядом с ног до головы, задержавшись на моем простом платье, и на его губах появилась циничная ухмылка.

— Потерялась, птичка? Замок лорда в другой стороне.

— Я не потерялась, — ответила я спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Я теперь живу здесь. Мне ска-

зали, вы можете помочь со стеклами и... водяным насосом. Он расхохотался. Громко, безрадостно.

— Со стеклами? С насосом? — он шагнул ко мне ближе, и я почувствовала запах дыма, кожи и чего-то еще, дикого и незнакомого. — Думаешь, драконы из Теневого клана — это твои дворовые мужики, которые по первому зову побегут чинить тебе краны? У меня дела поважнее, чем возиться с игрушками знатных леди.

Он был так близко, что я видела каждую трещинку на его обветренных губах. Он давил. Проверял. Ждал, что я испугаюсь, заплачу, убегу.

Но он не учел одного. Мрака.

В тот момент, когда дракон сделал последний шаг, из-за моей спины раздался низкий, утробный рык. Это был не лай щенка. Это был звук, от которого стыла кровь в жилах. Звук, обещавший рвать и метать. Мрак встал, шерсть на его загривке поднялась дыбом, и он, не мигая, смотрел на Клину, обнажив свои кинжалы-зубы.

Клин замер. Его ухмылка исчезла. Он посмотрел на Мрака, потом снова на меня, и в его ястребиных глазах впервые появилось что-то, кроме презрения. Удивление. И... интерес.

— Теневой волк, — констатировал он уже совсем другим тоном. — И он слушается тебя. Любопытно.

— Это мой друг, — поправила я, кладя руку Мраку на

голову, и рык тут же прекратился.

Клин молча смотрел на нас еще несколько секунд, словно переоценивая всю ситуацию.

— Я приду к вечеру, — наконец сказал он. — Посмотрю на твой насос.

— А как вы найдете дом? — начала было я.

— Леди, — он снова усмехнулся, но на этот раз без издевки. — В этой деревне даже мышь не пукнет без ведома Клана. Я знаю, где ты живешь.

С этими словами он развернулся и, не оглядываясь, пошел прочь, растворившись в толпе.

Я стояла как громом пораженная. Ноги дрожали, сердце все еще колотилось. Я победила. Кажется. Я еще немного побродила по рынку, пытаясь прийти в себя после этого тяжелого разговора, как вдруг мир качнулся.

Звуки рынка стали глухими и далекими. Перед глазами поплыли цветные пятна. Я успела подумать: «Опять эта тошнота...», — как ноги подкосились. Последним, что я почувствовала, был испуганный скулеж Мрака и твердая, пыльная земля, ударившая меня в висок. А потом наступила темнота.

Темнота отступила не сразу. Она рвалась, пропуская в мое сознание обрывки звуков, как свет сквозь щели в ставнях. Первым был низкий, утробный рык, полный тревоги. Рык Мрака. А потом — властный, скрипучий женский голос.

— А ну, иди отседава, ящер крылатый! — говорил голос.
— Принес госпожу — и ступай. Справлюся я и без тебя.

Снова рык Мрака, на этот раз громче, с угрозой.

— И ты, животное лесная, не рычи на меня! — без тени страха ответила старуха. — Хозяйке твоей я помогать собираюся, а не зло чинить. Ишь, защитник выискался! Цыц, говорю!

Мир снова померк. Кажется, я опять отключилась.

В следующий раз я пришла в себя от бесцеремонного прикосновения. Чьи-то сухие, но на удивление сильные руки ощупывали мой живот. Я резко открыла глаза.

Я лежала на простой деревянной лавке, укрытая каким-то колючим, но теплым одеялом. Надо мной, склонившись, стояла невысокая, сухонькая старушка в темном платке. Ее лицо, покрытое сетью морщин, было строгим и сосредоточенным.

— Что вы делаете? — голос прозвучал хрипло, но твердо. Я попыталась сесть, отстраняясь от ее рук.

— Лежите, госпожа, — скомандовала она, даже не по-

смотря на меня. — Очухались? Ну и слава Духам. Лежите смирно, не мешайте мне дело делать.

Ее властность была такой абсолютной, что я инстинктивно подчинилась, хотя внутри все кипело от возмущения.

— Я прекрасно себя чувствую, просто голова закружилась, — процедила я. — Дайте мне встать, мне нужно домой, у меня много дел, нет времени разлеживаться.

— Дела не волк, в лес не убегут, — проворчала она, продолжая свои манипуляции. — А вот здоровье ваше убежать может, если за ним не следить. Так что полежите тихо.

Она долго и внимательно меня осматривала, что-то бормоча себе под нос. Потом выпрямилась, посмотрела на меня с хитрым прищуром и вынесла вердикт:

— Беременны вы, госпожа.

Мир на мгновение замер, а потом я ответила:

— Вы ошибаетесь. Этого не может быть.

— Я? Ошибаюсь? — она уперла руки в бока, и в ее глазах сверкнула искра оскорбленной гордости. — Да я, милая госпожа, полвека в этой деревне повитухой служу! Я беременных по запаху чую!

— Мне ставили диагноз, — отрезала я, чувствуя, как старая боль из прошлой жизни поднимает голову. — Бесплодие.

— Тьфу на диагнозы эти городские! — отмахнулась она.

— Что они там видят, в городах своих? А я вижу, что тело ваше к ноше готовится. Грудь-то, поди, и сами заметили, налилась, тяжелее стала. Бёдра чуть шире стали. А женские недомогания-то у вас когда в последний раз были, госпожа?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я открыла рот, чтобы ответить, и осеклась. Я понятия не имела. Я в этом теле всего ничего. Сколько времени прошло с последних женских дней Оливии? Месяц? Два? Я не знала, и эта неизвестность выбила почву у меня из-под ног. Мое молчание старуха истолковала по-своему.

— Во-о-от, — протянула она удовлетворенно. — То-то и оно. Срок еще малый, неделя, может две, не боле. Но он есть. И тошнота ваша, и головокружение — все оттуда.

Беременна. Я, которой в прошлой жизни поставили крест на материнстве, была беременна. Я прикрыла глаза, пытаюсь осмыслить это. Невероятное, невозможное известие. Но потом я вспомнила... тошнота по вечерам, головокружение, усталость... Все сходилось. Это не от нагрузок. Это от новой жизни внутри меня.

И в этот момент меня накрыло. Не истерикой, не рыданиями. А тихим, оглушающим осознанием чуда. Я приложила дрожащую руку к своему животу. Там, внутри, былмой ребенок. Ребенок Дарека. Ребенок лорда-дракона, который вышвырнул меня из дома, назвав пустоцветом. Какая же злая, но прекрасная ирония судьбы!

Этот мир, эта ссылка — это не наказание. Это был пода-

рок. Самый большой, самый невероятный подарок, о котором я не смела и мечтать. Второй шанс на жизнь, на детей, на счастье.

Я почувствовала, как глаза предательски защипало, и быстро смахнула пальцем непрошеную слезу, надеясь, что знахарка не заметила.

— Спасибо вам, — голос прозвучал тихо, но уже без прежней холодности.

Она лишь хмыкнула и похлопала меня по руке.

— Да за что тут благодарить. Вы себя теперь берегите, как самый драгоценный сосуд. Поняли меня? Вот, держите.

Она протянула мне небольшой мешочек с травами.

— Заваривайте по щепотке утром. Для укрепления. И чтоб дурных мыслей в голове не было. Дитя все чувствует.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Увидела свою корзинку, стоящую у лавки. Моя курица!

— Спасибо. Я пойду.

Я встала на ноги, которые все еще немного дрожали. Потянулась за корзинкой, но не успела. Мрак, который все это время сидел тихо, как мышь, поднялся, подошел к корзинке, аккуратно взял ее в зубы и посмотрел на меня. Мол, неси себя, госпожа, а поклажу я понесу. Словно понял, что теперь

меня нужно беречь вдвойне.

Я поблагодарила знахарку еще раз, оставив ей несколько монет, и мы с Мраком вышли из ее теплой, пахнувшей травами избушки. Сделала всего пару шагов от калитки, все еще пытаюсь уложить в голове невероятную, оглушительную новость. Беременна. Мир вокруг казался нереальным, слишком ярким и одновременно размытым. Я инстинктивно приложила ладонь к животу. Ничего. Плоский, как и был. Но теперь я знала. Там, внутри, зародилось чудо, которого я ждала всю свою прошлую, такую длинную и пустую жизнь.

В этот момент дорогу нам преградила высокая, широкоплечая фигура. Клин. Он стоял, прислонившись к стволу старого дуба, скрестив руки на мощной груди, и смотрел на меня своими хищными, ястребиными глазами.

— Ну что, леди, — бросил он, и его голос, низкий и хриплый, как скрежет камней, вырвал меня из оцепенения. — Залатали тебя местные ворожеи?

Слово «леди» он произнес с едва заметной растяжкой, а вопрос прозвучал на «ты». В этом обращении было все: и презрение к моему статусу, и грубость изгоя, который не считает нужным соблюдать приличия. Меня это задело, но я не показала вида. Сейчас не до гордости.

— Я в порядке, — ответила я ровно, встречая его взгляд. — А вот насос — нет. И окна тоже.

Он усмехнулся, оттолкнулся от дерева и сделал шаг ко

мне.

— А ты не из пугливых, я смотрю. Другая бы уже в слезах бежала обратно в свой замок, молить лорда о прощении. А ты про насос думаешь.

Мрак у моих ног, почувствовав исходящую от дракона угрозу и его слишком близкое присутствие, глухо зарычал, приподняв черную губу.

— Тихо, Мрак, — сказала я, кладя руку ему на загривок, чтобы успокоить. Шерсть под моей ладонью стояла дыбом. Затем, не отводя взгляда от Клина, добавила с легкой усмешкой: — Не пугай мастера. Нам еще окна вставлять.

Клин замер. Его ухмылка исчезла. Он смерил взглядом рычащего волка, потом снова меня, и я увидела, как его брови едва заметно сошлись на переносице. Он оценивал ситуацию.

— Провожу тебя до дома, леди. А то какая-то ты хиленькая, дохленькая. Еще раз упадешь, а таскать тебя на себе деревенские не будут. Заодно и посмотрю объем работ.

«Хиленькая и дохленькая». Если бы он только знал истинную причину моего недомогания. Но об этом не узнает никто. По крайней мере, пока.

— Я не просила вас меня таскать, — заметила я, наме-

ренно используя «вы». — Но раз уж вызвались проводить, не откажусь.

Мы пошли по тропинке к моему дому. Он шел рядом, высокий и молчаливый, но я чувствовала его взгляд на себе. Он не просто смотрел, он изучал. Мне стало неуютно, и я решила нарушить тишину первой.

— Вы из Теневого клана. Что это такое?

— А тебе зачем? — он не смотрел на меня, глядя прямо перед собой.

— Хочу знать, с кем имею дело, — просто ответила я. Он хмыкнул.

— Мы те, кого ваши, «чистокровные», вышвырнули за порог. Изгои, преступники, бастарды. Те, кто был недостаточно хорош для ваших сиятельных родов. Мы собрались вместе, чтобы выжить. А теперь мы сила, с которой всем приходится считаться. Так понятнее, леди?

— Вполне, — кивнула я, размышляя. Изгои. В каком-то смысле я теперь тоже из их числа. — Значит, вы не только стекла вставляете, но и за порядком в лесу следите. Похвально.

Он резко остановился и посмотрел на меня.

— Ты не боишься язвить преступнику и изгою?

— А чего мне бояться? — я пожала плечами. — Вы меня на себе до знахарки донесли, а не в овраг бросили. Значит, не так уж и плохи. К тому же, у меня охрана, — я кивнула на Мрака, который не сводил с Клина глаз.

Он проследил за моим взглядом и снова усмехнулся.

— Любопытная ты, леди. И волк твой теневой... необычный. Где такого отхватила?

— Он сам меня нашел, — уклонилась я от ответа.

Мы дошли до дома. Он окинул его долгим, оценивающим взглядом.

— Да уж. Работы тут — конь не валялся. Показывай свой насос.

Я провела его на кухню. Он долго и молча осматривал мойку, насос, трубы, которые уходили куда-то в стену. Но он не дергал за ручку и не стучал по металлу, как сделал бы обычный мастер. Вместо этого он положил широкую ладонь на холодный чугун и на мгновение прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, недоступному мне. Мне показалось, или воздух в кухне на секунду едва заметно дрогнул? Затем он подошел к пустым окнам, провел пальцем по каменной раме, словно считывая ее историю.

— Предлагаю чаю, — сказала я, нарушив тишину. Это был жест хозяйки дома, и мне было важно его сделать.

— Не пью я ваши травяные отвары, — отрезал он, не обо-

рачиваясь. Но потом его взгляд упал на идеально отмытый стол, на чисто выскобленный пол. Он медленно обернулся и посмотрел на меня по-новому. — Ты что, все это сама... своими руками отдраила?

— А кто же еще? — удивилась я. — Ни одного приведения не нашлось, чтобы веник доверить.

Он ничего не ответил, только покачал головой и снова вернулся к осмотру.

— Насос починить можно. Механизм заржавел, но сердцевина цела. И окна твои вставить — не проблема. Но работа не для молотка и гвоздей.

— Я заплачу, — твердо сказала я.

— Дело не в деньгах, леди. Дело в силах. Я приду вечером. Инструменты мне не понадобятся.

— Хорошо, — кивнула я, чувствуя, как внутри разгорается любопытство.

Мы вышли из дома. Я провожала его до ворот. Он уже собирался уходить, как вдруг остановился.

— Скажи-ка мне, леди, — спросил он тихо, но его ястребиные глаза смотрели в упор. — Что такая, как ты, забыла в этой дыре совсем одна?

— Я здесь не «в дыре», — спокойно ответила я, выдержав его взгляд. — Я у себя дома. И, как видите, не совсем одна.

Я едва заметно кивнула на Мрака, который, почувствовав напряжение, снова тихо зарычал, не сводя с Клина глаз.

И в этот самый момент мы оба замерли. До слуха донесся звук, чуждый этой лесной тишине — фырканье породистых лошадей и скрип дорогой кожи.

У ворот моего имения, там, где заросшая тропа встречалась с дорогой, стоял он. Дарек. В безупречном черном дорожном камзоле, скрестив руки на груди. Он стоял, прислонившись к своей роскошной карете, на лакированной дверце которой красовался серебряный герб рода Райвен. Он не двигался, просто смотрел на нас. Холодный, яростный, как изваяние из обсидиана и льда. Его взгляд был прикован ко мне, потом медленно, с оскорбительной ленцой переместился на Клина, стоящего рядом со мной.

Дорогие читатели, безумно рада вашим комментариям . Именно они вдохновляют меня писать больше! Не забудьте подписаться, чтобы не потерять следующие истории!

Атмосфера мгновенно накалилась. Воздух, до этого пахнувший лесной прелью и дымком из деревенских труб, зазвенел от напряжения, как натянутая струна. Я стояла между двумя хищниками, и каждый из них был опасен по-своему. Дарек — своей ледяной, яростью и властью. Клин — своей дикой, непредсказуемой силой и презрением ко всем правилам.

И в этот момент произошло кое-что странное. Мрак, который до этого периодически рычал на Клина, напрягшись всем телом, вдруг затих. Он не перестал быть настороже, его черная шерсть на загривке все еще стояла дыбом, но его рычание прекратилось. Он сделал шаг вперед, встав передо мной, как живой щит, и с тихим, любопытным вдохом принялся к воздуху, в котором появился запах Дарека. В его желтых глазах не было агрессии. Только напряженное, глубокое внимание. «И ты туда же? — мысленно фыркнула я, обращаясь к волку. — Увидел богатого лорда в дорогих сапогах и хвостом завилял? Предатель».

Первым, разумеется, заговорил Дарек. Он оттолкнулся от кареты и сделал несколько медленных, выверенных шагов в нашу сторону. Каждый его шаг по пыльной тропинке звучал как удар молота по наковальне. Он полностью игнорировал меня, обращаясь к Клину с ледяным, высокомерным презре-

нием, которое аристократы приберегают для грязи на своих сапогах.

— Что здесь делает отброс из Теневого клана?

Клин даже не дрогнул. Он лишь лениво усмехнулся, и его шрам на брови дернулся, делая лицо еще более хищным.

— Делаю то, на что у благородных лордов, видимо, не хватает времени, — он кивнул в мою сторону. — Помогаю его леди. Жене-то, хоть и бывшей, но все же помощь нужна.

«Ага, — мелькнуло у меня в голове. — Значит, ты все-таки знаешь, кто я и что я тут делаю. Прав ты был, Клин, ничего мимо вашего Клана не проходит. Ваша разведка работает не хуже королевской».

Лицо Дарека окаменело. Он был похож на грозовую тучу, готовую разразиться молниями.

— Пока документы о расторжении брака не подписаны мной, она — леди Райвен. И я бы не советовал всякому сброду, тереться у ворот моего дома.

— Твоего дома? — Клин картинно огляделся по сторонам, с насмешкой рассматривая заросший сад и облупившиеся стены. — Что-то я не вижу здесь твоего замка, лорд. Вижу только старые, заброшенные камни. А леди, кажется, теперь сама себе хозяйка. Или я что-то путаю?

Дарек сделал еще один шаг, и я почти физически ощути-

ла волну жара, исходящую от него. Мрак у моих ног снова зарычал, на этот раз глухо и по-настоящему страшно, но рык этот был направлен на Клину, словно он предупреждал его не провоцировать дальше хозяина территории.

— Я смотрю, ты осмелел, изгнанник, — процедил Дарек сквозь зубы. — Забыл свое место?

— Я свое место отлично помню, — спокойно ответил Клину, не отступая ни на шаг. — Оно в лесу, где правят не имена, а сила. А вот ты, лорд, кажется, заблудился. Твои земли в другой стороне.

Это было уже на грани открытого вызова. Я поняла, что пора вмешаться, пока они не начали выяснять отношения более разрушительными методами, и мой недавно обретенный дом не превратился в руины. Но Клину, бросив на меня быстрый, насмешливый взгляд, сам решил отступить. Стратегически.

— Впрочем, раз уж законный муж наконец объявился, чтобы позаботиться о своей леди, мне тут делать нечего, — он с издевкой поклонился. — Вечером зайду, как договаривались, леди.

С этими словами он развернулся и спокойно, неторопливой походкой пошел прочь, оставив меня один на один с разъяренным Дарекком.

Дарек дождался, пока он скроется за поворотом, и впился в меня взглядом.

— Я смотрю, ты времени зря не теряла. Недолго же ты горевала, Оливия.

Я молча обвела взглядом запущенный двор и пустые окна дома.

— Горевать, милорд? — мой голос был абсолютно спокойным. — Простите, но у меня не было времени на скорбь. Я была слишком занята попытками сделать это место пригодным для жизни.

— Ты должна была немедленно сообщить мне! — рявкнул он. — Любая проблема, любая нужда — это моя забота! Ты все еще носишь мое имя! Драконы берут на себя ответственность за своих женщин, Оливия, даже за... бывших. Ты должна была попросить меня, а не якшаться с отбросами!

«Ну вот ты и попался на крючок», — подумала я, а на губах появилась едва заметная, но очень довольная улыбка. Хоть денег сэкономлю.

— Прошу прощения, милорд, — произнесла я самым смиренным тоном, на какой была способна. — Я не хотела вас утруждать. Но раз вы настаиваете...

Я сделала шаг в сторону, открывая ему вид на обшарпанный фасад.

— Ну что ж, лорд. Решайте мои проблемы.

Дарек застыл, поймав себя в собственную ловушку. Он приехал сюда отчитать меня, а теперь был вынужден доказывать свою состоятельность. Смерив меня последним яростным взглядом, он решительно шагнул к дому. Мрак осторожно обнюхал его сапоги, и Дарек лишь мельком, пренебрежительно взглянул на огромного волка.

— Дай мне время, — бросил он, не оборачиваясь. — И не мешай.

Он скрылся в темном проеме дома. А я, пожав плечами, подобрала корзинку с продуктами и направилась на свою, уже чистую, кухню. Пока один дракон самоутверждается, спасая свою репутацию, я, приготовлю обед. В конце концов, мужские разборки — это одно, а ужин по расписанию — совсем другое.

Я разложила на огромном дубовом столе свои скромные трофеи: упитанную курицу, несколько крепких морковок, пару злых луковиц, от которых сразу защипало в глазах, и несколько белых корнеплодов, похожих на картофель. Первым делом — суп. Куриный, наваристый бульон — лучшее лекарство и от усталости, и от дурных мыслей.

Я привычно, как делала это тысячи раз в прошлой жизни, разделала птицу, поставила самую сытную часть на бульон, а остальное отложила на второе. Занявшись овощами, я погрузилась в медитативный, успокаивающий процесс шинковки. Нож в руке этого тела лежал еще непривычно, но память мо-

их рук была сильнее. Вскоре по кухне поплыл божественный, домашний аромат — лук, морковь, коренья. Мрак, который до этого дремал в углу, поднял голову и заинтересованно повел носом.

И тут дом начал оживать. Сначала где-то наверху раздался долгий, протяжный, почти стонущий скрип, будто распрямлял свои древние кости сам дом. Потом — высокий, вибрирующий гул, который прошел по стенам, и гулкий, мягкий стук. Я так поняла, это первая оконная рама встала на место. Я продолжала резать овощи, лишь усмехнувшись про себя. Пусть работает, раз вызвался. Гордость — страшная сила, особенно драконья.

Пока бульон кипел, я решила приготовить второе. Оставшиеся куски курицы я натерла солью и душистыми травами, обложила овощами и поставила в остывающую часть очага — запекаться. Дом тем временем продолжал жить своей магической жизнью. То в гостиной протяжно застонет распрямляющаяся под чехлом мебель, то на втором этаже что-то глухо ухнет, и по каменному полу пробежит дрожь.

Внезапно раздался громкий, булькающий звук прямо у меня за спиной. Старый чугунный насос вздрогнул, закашлялся ржавой водой, а потом из него полилась чистая, холодная, ровная струя. Работает! Я невольно улыбнулась. Это была маленькая, но очень важная победа. Я подставила ладони под ледяную воду — такое простое, но такое невероятное

удовольствие.

Еще через час, когда суп был почти готов, а запах запеченной курицы сводил с ума, все звуки стихли. В наступившей тишине шаги Дарека на лестнице прозвучали оглушительно громко. Он вошел на кухню и замер на пороге. Выглядел он уставшим. На лбу выступила испарина, а под глазами залегли тени, но он тщательно это скрывал за маской ледяного высокомерия.

— Ну что, Оливия. Принимай работу.

Он провел меня по дому. Я ахнула. Окна сияли новыми, идеально подогнанными стеклами без единого пузырька. В ванной и на кухне исправно работали насосы. Но главное — он сделал больше. В доме не осталось ни пылинки, ни единой паутинки в углах. Облупившаяся штукатурка на стенах стала гладкой и новой, полы перестали так предательски скрипеть, а из комнат исчез запах тлена, сменившись свежим, чистым ароматом озона и едва уловимым запахом магии.

— Вы... вы прибрались? — только и смогла вымолвить я, проводя рукой по идеально гладкой стене.

— Я привел дом в состояние, подобающее для леди, носящей мое имя, — отчеканил он, но я видела, что он пристально следит за моей реакцией.

Я была безмерно благодарна. Теперь, зная о своем поло-

жении, я понимала, что не смогла бы осилить такую тяжелую работу. Он, сам того не зная, спас меня от непосильного труда.

— Чем это так вкусно пахнет? — неожиданно спросил он, когда мы вернулись на кухню, его голос звучал немного глуше обычного.

— Ужин, — просто ответила я. — Проходите к столу, вы как раз успели.

Лорд опешил, но молча сел за стол. Я налила ему полную миску горячего, дымящегося супа. Он ел молча, сосредоточенно, но я чувствовала на себе его взгляд. Он не просто ел, он наблюдал. Всматривался, словно пытался понять, что со мной не так, почему я изменилась.

Нарушив тишину, он кивнул на Мрака, который лежал у моих ног.

— Где ты взяла эту животинку, Оливия? Это не просто пес. Ты знаешь, что это теневого волк?

— Он сам меня нашел, — спокойно ответила я, помещивая суп в своей миске.

Дарек доел кусок курицы из супа, задумчиво обглодал косточку и, не глядя, бросил ее Мраку. Волк ловко поймал ее на лету и с благодарным урчанием проглотил в доли секунды.

«Ну конечно, — мысленно фыркнула я. — Косточку от

лорда-дракона. Продался, предатель».

Пока мы ели, Мрак лежал у стола. Иногда он поднимался, подходил к Дареку и осторожно обнюхивал его руку, виляя хвостом. А один раз он подошел ко мне и деликатно ткнулся носом мне в живот. Я напряглась и незаметно постаралась его отогнать, чтобы Дарек ничего не заподозрил. И тут я поняла. Он чувствует. Он знает, что я ношу дитя Дарека, и поэтому принимает его. «Ах ты, маленький Иуда... так вот в чем дело».

Когда с ужином было покончено, я спросила:

— Так зачем вы все-таки приехали, милорд?

— Я хотел убедиться, что... здесь все в порядке, — ответил он, тщательно подбирая слова и не сводя с меня испытующего взгляда. — И напомнить, что в случае любых трудностей ты должна сообщать мне. Драконы не бросают своих женщин.

«Понятно, — подумала я. — Приехал в случае чего, свою репутацию спасать»

— Уже поздно. Вам, наверное, пора в обратный путь. Пора и честь знать.

Я встала, давая понять, что разговаривать нам больше не о чем. Он тоже поднялся, но сделал несколько неуверенных шагов и слегка пошатнулся, оперевшись рукой о стол.

— Что-то мне нехорошо, — сказал он, и в его голосе впер-

вые прозвучали нотки неподдельной усталости. — Магия отняла слишком много сил. Пожалуй, я отдохну.

Он посмотрел на меня в упор. А я все поняла. Он слышал, что вечером должен прийти Клин. И решил остаться здесь, на моей территории, чтобы встретить своего соперника. Собака ты на сене, а не дракон.

— Что ж, раз вам нездоровится, милорд, — произнесла я с самой сладкой и фальшивой улыбкой, на какую была способна, — я не могу выгнать вас на ночь глядя. Придется вам довольствоваться моими скромными условиями.

— Меня устроит.

«Ну-ну», — подумала я и, развернувшись, повела его на второй этаж. Лестница больше не скрипела под его тяжелыми шагами — магия Дарека поработала на славу. Это было странно — идти по своему дому в сопровождении мужчины, который еще вчера был моим мужем и судьей, а сегодня превратился в незваного гостя и бесплатную рабочую силу.

Я открыла дверь в комнату напротив своей. Она была абсолютно пустой, но идеально чистой — магия Дарека вылизала ее до блеска, избавив от вековой пыли и запаха тлена.

— Располагайтесь. Боюсь, с удобствами пока туго.

В комнате, залитой лунным светом из нового, безупречно прозрачного окна, стояла лишь кровать с голым дощатым настилом. Никакой мебели, никаких занавесок. Аскетично до неприличия.

— Вещей у меня, как вы понимаете, немного, — я развела

руками, изображая бедную родственницу. — Могу пожертвовать для вас старый матрас, набитый лавандой. Он лежал в шкафу и почти не использовался. А чтобы вы не замерзли...

Я вернулась в свою комнату и открыла старый, но крепкий шкаф. Достала тот самый меховой плед, который мне, видимо, по доброте душевной, упаковали в дорогу. Это была единственная по-настоящему роскошная вещь в этом доме. Отдавать его, пусть и на время, было немного жаль. Но жест был красивый, и я не могла отказать себе в этом маленьком представлении.

— Вот, — я протянула ему мягкую, тяжелую шкуру. — Могу одолжить. Не хотелось бы, чтобы вы простудились. Это может плохо сказаться на вашей магической силе.

— Благодарю, — процедил он сквозь зубы.

— Пустяки, — бросила я и, оставив его обустраиваться, спустилась на кухню. Нужно было домыть посуду и обдумать свое положение.

Весь вечер дом гудел от напряжения. Мы не разговаривали. Я занималась своими делами на кухне, методично отмывая тарелки, а он ходил по дому, как лев в клетке. Его шаги наверху были тяжелыми и нервными. Я чувствовала его взгляд, когда он останавливался в дверном проеме кухни. Он не просто смотрел — он всматривался, изучал, пытался понять, что со мной не так.

Один раз, когда я вытирала стол, он не выдержал и вошел на кухню, остановившись посреди комнаты. Его тень от пламени очага упала на меня, заставив вздрогнуть.

— Ты другая, Оливия.

Я замерла, моя рука с тряпкой застыла над столешницей. Сердце пропустило удар. Страх. Холодный, липкий страх, что он догадается. Нельзя. Нельзя, чтобы он понял, что я — не она. Я решила, что молчание — лучшая тактика. Я медленно повернулась к нему, посмотрела пустым, ничего не выражающим взглядом и снова отвернулась к мойке. Это сбilo его с толку. Он явно ждал ответа, вопроса, любой реакции. Но не этой стены безразличия. Он постоял еще немного, тяжело вздохнул и, не найдя больше слов, ушел наверх. Я услышала, как хлопнула дверь в его комнате.

Первый раунд остался за мной. Но я знала, что это только начало.

Я закончила с посудой и села за стол с чашкой травяного отвара. Напряжение было почти невыносимым, и я с нетерпением, смешанным с тревогой, ждала вечера, когда должен был прийти Клинт. Дарек ходил по дому, как лев в клетке, периодически останавливаясь в дверном проеме кухни, чтобы бросить на меня свой изучающий, тяжелый взгляд.

Внезапно Мрак, дремавший у моих ног, поднял голову. Шерсть на его загривке медленно поднялась дыбом, и из его груди вырвался низкий, утробный рык. Он смотрел на входную дверь. Он явно учуял кого-то чужого. Я тоже напряглась,

а Дарек, находившийся в гостиной, замер.

Через мгновение в дверь настойчиво постучали. Три вежливых, но твердых удара, которые в наступившей тишине прозвучали как выстрелы.

Я пошла открывать, чувствуя, как за спиной из гостиной бесшумно вышел Дарек. Он встал в тени холла, как хищник в засаде, наблюдая. На пороге стоял Клин. Но не с пустыми руками. В его огромной ладони, больше похожей на медвежью лапу, был зажат немного помятый, но очаровательный букет полевых цветов — синих васильков и белых, похожих на звезды, ромашек. Он выглядел с этим букетом до смешного нелепо, как разбойник с большой дороги, пытающийся играть на скрипке. Этот контраст между его грубой, опасной внешностью и трогательной нежностью цветов был настолько разительным, что я на мгновение потеряла дар речи.

Я опешила. Он, заметив мое удивление, нахмурился еще больше и, сделав неловкое движение, почти силой впихнул мне цветы в руки, глядя куда-то в сторону, через мое плечо.

— Это... тебе, леди, — прорычал он, явно чувствуя себя не в своей тарелке. — Нашел по дороге. Валялись.

«Валялись, конечно, — подумала я, пряча улыбку. — Сами в букет собрались и в руки тебе прыгнули». Я осторожно взяла цветы, вдыхая их сладкий, медовый аромат. В прошлой жизни мне никто и никогда не дарил цветов. Даже сорванных у обочины. А здесь, в этом чужом мире, огромный,

опасный дракон-изгой принес мне ромашки.

Из-за моей спины тут же материализовался Дарек. Я почувствовала, как воздух похолодел. Он ничего не сказал, но я видела, как вспыхнули и тут же погасли золотые искры в его глазах. Он смотрел не на Клина. Он смотрел на букет в моих руках.

— Твои услуги здесь не требуются, — ледяным тоном произнес Дарек, делая шаг вперед. — Я сам позаботился обо всем, что нужно моей жене.

Клин смерил его насмешливым взглядом, окинув чистый холл и сияющие окна.

— Вовремя надо было заботиться, лорд, а не тогда, когда другой мастер уже на пороге. — Он повернулся ко мне, полностью игнорируя Дарека. — Впрочем, я вижу, работа еще есть. У леди прекрасный, но совершенно запущенный сад.

— Ее садом займусь я, — отчеканил Дарек.

— Ты? — Клин откровенно расхохотался. Громко, безрадостно, так что Мрак в углу недовольно поднял голову. — Что ты знаешь о садах, лорд? Твои руки привыкли держать меч да подписывать указы, а не лопату. Или ты прикажешь земле самой вскопаться из уважения к твоему гербу?

— Мои руки привыкли получать то, что я хочу, — процедил Дарек. — И я хочу, чтобы ты убрался с этой земли.

— Увы, лорд, но земля теперь принадлежит леди, — не остался в долгу Клин, с удовольствием наблюдая, как бешенство искажает лицо аристократа. — И, кажется, она сама вправе решать, чья помощь ей нужнее.

Они стояли друг напротив друга, два разъяренных хищника, готовые вцепиться друг другу в глотку. Атмосфера накалилась до предела. Я поняла, что пора прекращать этот петушиный бой, пока они не разнесли мне дом, который один из них только что починил.

— Хватит! — сказала я громко. Мой голос прозвучал неожиданно твердо в наступившей тишине. Оба дракона, как по команде, посмотрели на меня. — Я сама решу.

Я вышла вперед, встав между ними, и с плохо скрываемым наслаждением почувствовала себя дирижером этого маленького, но очень взрывоопасного оркестра.

— Мне нужно не просто разбить сад. Мне нужно наладить систему полива от колодца. Кто из вас может это сделать?

Клин усмехнулся, его уверенность вернулась.

— Для магии земли это простая задача. Создать русла, заставить воду течь куда нужно...

Дарек бросил на него испепеляющий взгляд.

— Я могу заставить эту землю родить даже посреди зимы, если понадобится. Система полива — детская забава для

любого дракона, который не забыл свое наследие.

— Отлично, — я хлопнула в ладоши, скрывая улыбку. — Раз вы оба такие умельцы, то и поработаете вместе. Вы, милорд, — я повернулась к Дареку, — отвечаете за магическую часть. А вы, мастер Клин, — я посмотрела на него, — за физическую. Разметку, камни, ограду

— Я?! С ним?! — одновременно воскликнули они, указывая друг на друга.

— Именно, — подтвердила я с самой милой улыбкой. — С завтрашнего утра.

Я уже собиралась их выпроводить, чтобы наконец остаться одной, но Клин сделал ход конем. Он с шумом втянул носом воздух, поворачиваясь в сторону кухни.

— Ну, раз с работой на завтра договорились, можно и подкрепиться. У тебя, леди, так вкусно пахло на кухне, когда я подходил. Неужто не покормишь голодного работягу?

Дарек потемнел лицом, его кулаки сжались. А Клин смотрел на меня, ожидая ответа.

Я мысленно простонала. Мой тихий вечер превращался в цирк с драконами.

— Что ж, — медленно произнесла я, принимая правила игры. — Раз работяга голоден, пойдемте на кухню. — сказала и пошла в дом, чтобы найти вазу для своего первого в этой

жизни букета. Мой дом. Мои правила. И мои личные, ручные драконы-садовники. Кажется, жизнь определенно налаживается. Правда посуды теперь мыть придется в два раза больше.

Дорогие друзья, приглашаю вас в свою новинку
<https://litnet.com/shrt/9lxz>

Я умерла и очнулась в другом мире, в теле юной служанки, прибывшей в замок могущественного Лорда, на свадьбу своей госпожи. Но в самый разгар церемонии древняя магия дает сбой. И вот я, безродная служанка, случайно становлюсь женой дракона вместо своей госпожи. Он меня презирает и ищет способ избавиться. А я пытаюсь выжить в чужом мире и скрыть главную тайну: та ночь, которую мы оба не помним, принесла не только позор, но и новую жизнь.

Я чувствовала, как за мной следуют два хищника, ступая по моему новому чистому полу. Звук их шагов был разным — Дарек шел почти бесшумно, Клин же не скрывал своего присутствия — его тяжелые сапоги гулко отдавались в коридоре, словно он намеренно заявлял о своем праве находиться здесь.

Мрак, предательская душа, трусил где-то между ними, виляя хвостом и явно не понимая, чью сторону выбрать. Время от времени он подбегал то к одному, то к другому, принимовался и снова занимал нейтральную позицию. Дипломат, чёрт возьми!

На кухне я демонстративно поставила букет в глиняный кувшин с водой прямо в центр стола. Простое, но смелое заявление: этот гость и его подарок здесь приняты. Дарек, вошедший следом, бросил на них испепеляющий взгляд, словно васильки и ромашки оскорбили лично его.

— Прошу к столу, — сказала я, расставляя три миски с дымящимся ароматным супом и тарелку с запеченной курицей, кожица которой соблазнительно поблескивала в свете очага.

Они сели. Друг напротив друга, как полководцы перед переговорами о перемирии, в которое не верит ни одна из сторон. Напряжение за столом можно было резать ножом.

Воздух буквально гудел от невысказанных угроз и взаимных претензий. Мрак улегся точно между ними, положив свою огромную голову на лапы и с надеждой глядя то на одного, то на другого — в надежде, что хоть кто-то из враждующих драконов поделится косточкой.

Первые несколько минут они ели молча, и эта зловещая тишина давила сильнее любых криков. Клин ел с неприкрытым аппетитом, не стесняясь громко хвалить бульон и причмокивать от удовольствия, но делал это, глядя исключительно на меня, словно второго дракона за столом вовсе не существовало.

— Хороший суп, леди, — сказал он, ухмыляясь и поднимая ложку. — Настоящий, домашний. Чувствуется, что готовила женщина с душой. Не то что та безвкусная водичка с травками, которой в замках потчуют гостей из вежливости.

Дарек замер с куском хлеба в руке.

— Если тебе не нравится еда в замках, тебе не стоит туда стремиться, — ледяным тоном отчеканил он, даже не подняв глаз на соперника.

Клин лишь шире усмехнулся и нарочито громко прихлебнул суп. — А я и не стремлюсь, лорд. Мне и в лесу неплохо живётся. Воздух свежее, никто не стоит над душой со своими правилами и протоколами. И главное — не приходится никого называть «милорд» через силу.

Они снова замолчали, сверля друг друга взглядами. Я решила вмешаться, пока они не превратили мою кухню в поле

боя.

— Милорд, — обратилась я к Дареку самым вежливым тоном. — Позвольте ещё раз поблагодарить вас за ремонт. Особенно за насос. Это действительно очень облегчит мне жизнь. Теперь мне не придётся таскать воду вёдрами из колодца.

— Это была моя обязанность, — сухо ответил он, но я заметила, как он слегка выпрямился от похвалы. — Леди, носящая имя Райвен, не должна заниматься чёрной работой.

— Обязанность, которую ты не спешил выполнять, — пробормотал Клин себе под нос, но достаточно громко, чтобы все услышали. Он неторопливо откусил кусок хлеба и стал жевать с самым невинным видом.

Дарек сжал вилку в руке так, что костяшки пальцев побелели. — Я не потерплю оскорблений за своим столом.

— Так это же стол леди, — с невинным видом парировал Клин, указывая ложкой на меня. — Я ее гость, приглашенный по всем правилам гостеприимства. И, кажется, хозяйка дома не жалуется на мои манеры. Верно, леди?

Все взгляды устремились на меня. Я почувствовала себя судьёй на дуэли, которого просят определить правила боя.

— Я была бы признательна, — медленно произнесла я, многозначительно глядя на каждого из них, — если бы мои гости вели себя как цивилизованные люди, а не как два боевых петуха на ринге. За моим столом.

Остаток ужина прошел в относительном спокойствии, на-

рушаемом лишь стуком ложек о керамику и треском дров в очаге. Когда с едой было покончено, Клин поднялся первым, отодвинув тяжелый стул.

— Спасибо за ужин, леди. Было вкусно, — он кивнул в сторону пустых тарелок. — Не припомню, когда ел что-то более вкусное. Значит, завтра утром я займусь разметкой сада. Буду к первому солнцу, как и договаривались.

Он кивнул мне, словно скрепляя договор, и, бросив на Дарека последний насмешливый взгляд, неторопливо вышел из дома. Входная дверь мягко хлопнула за ним и я осталась наедине с бывшим мужем.

Дарек молчал, неподвижно, как статуя, сидя и глядя на танцующие языки пламени в очаге. Отблески огня играли на его резких чертах, превращая лицо в маску из света и тени. Я начала убирать со стола, позвякивая тарелками чуть громче, чем нужно, давая понять, что вечер окончен и пора расходиться по комнатам.

— Он останется здесь? — вдруг спросил Дарек, нарушив тишину. Его голос прозвучал хрипло, словно он долго молчал.

— Кто? Мастер Клин? — я обернулась, держа в руках стопку тарелок. — Нет, он ушёл домой, в лес.

— Я не о нём, — он кивнул на Мрака, который лежал у очага, положив огромную голову на лапы. — Этот зверь. Он будет жить в доме? Постоянно?

— Мрак — мой защитник. И мой друг, — твердо ответила

я. — Да, он будет жить в доме. Со мной.

— Он опасен, Оливия. Теневые волки — не домашние животные. Они непредсказуемы.

— Не опаснее некоторых лордов, — не удержалась я от шпильки и тут же пожалела об этих словах.

Дарек резко поднялся и в два шага пересек кухню. Он остановился совсем близко, заглянул мне в глаза, и я почувствовала исходящее от него тепло. Его взгляд был тяжелым, полным каких-то непонятных мне эмоций — гнева, разочарования и чего-то еще, чего я не могла определить.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он тихо, но каждое слово прозвучало отчётливо. — Вся эта показная независимость, этот волк, этот изгой... Я мог бы полностью содержать тебя. Ты бы ни в чём не нуждалась и жила в столице в собственном доме, как я и хотел, если бы не совершала глупостей и не пыталась манипулировать мной, рискуя своей жизнью.

Он замолчал, но не отвел взгляда. В его глазах плясали золотые искры — признак пробуждающейся драконьей натуры.

— Ты думала, что попытка отравиться заставит меня передумать насчёт развода? Что я, обезумев от страха потерять тебя, буду терпеть жену-пустоцвет ради твоих прекрасных глаз? — его голос становился всё тише и опаснее. — Ты жестоко просчиталась. Ты добилась лишь того, что оказалась здесь, в этой глуши, вместо комфортабельного дома в столи-

це.

Я смотрела на него и впервые за всё время не знала, что ответить. Его слова о попытке манипулировать задели меня.

— Я не манипулирую, Дарек, — сказала я тихо, но твердо. — Я просто живу.. Здесь, в этом доме, я чувствую себя счастливой.

Он долго смотрел на меня, словно пытаюсь прочесть что-то между строк, найти подвох в моих словах. Потом устало вздохнул, и на мгновение мне показалось, что за маской лорда я вижу просто усталого, одинокого мужчину.

— Я буду в гостевой комнате, — сказал он наконец, направляясь к лестнице. — Разбуди меня, когда твой мастер придёт начинать работу. Посмотрим, на что способен изгой, когда дело доходит до настоящего дела.

Его шаги затихли на втором этаже, и я осталась одна на кухне с Мраком и букетом полевых цветов, который всё ещё стоял в центре стола

Я устало опустилась на стул и провела пальцами по бархатистому лепестку василька. Кто бы мог подумать. Шестьдесят три года в одном мире — и ни цветочка. Несколько дней в другом — и вот, пожалуйста, букет от дракона с бандитской физиономией. Ирония судьбы — дама с весьма специфическим чувством юмора.

Я встала и убрала остатки со стола. Методично, без спешки вымыла тарелки, слушая, как потрескивают дрова в очаге. Эта простая, рутинная работа успокаивала, приводила мысли в порядок. А думать было о чем. Два дракона в моем доме. Один — бывший муж, который вышвырнул меня как бесполезную вещь, но теперь почему-то решил поиграть в заботливого лорда. Второй — дикий, непредсказуемый изгой, который смотрит на меня с насмешливым интересом и приносит цветы. И оба завтра собираются копать в моем огороде. Мой огород. Святая святых. Я представила эту картину и невольно хмыкнула. Это будет зрелище похлеще гладиаторских боев.

Погасив свечи на кухне, я поднялась наверх. Мрак бесшумной тенью следовал за мной. Дверь в комнату Дарека была плотно закрыта. Я прислушалась — тишина. Спит или делает вид? Неважно. Я вошла в свою спальню, свою маленькую крепость, и плотно прикрыла за собой дверь. Скинув

платье, я подошла к зеркалу. В полумраке, освещенная лишь лунным светом из окна, я всматривалась в свое отражение, в это молодое, незнакомое тело. И положила обе руки на живот.

«Ну что, малыш, — прошептала я, и губы сами собой растянулись в улыбке. — Кажется, у нас с тобой будет веселое детство. С двумя драконами-няньками. Главное, чтобы они друг друга не поубивали раньше, чем ты родишься».

Утро началось с настойчивого, но деликатного скрежета когтей по двери. Мрак требовал утренней прогулки. Я встала, ощущая себя на удивление отдохнувшей. Ночь прошла спокойно. Никаких ночных визитов, никаких выяснений отношений.

Спустившись вниз, я первым делом открыла дверь на задний двор. Мрак вылетел на улицу, как черный вихрь. Я же глубоко вдохнула свежий, пахнущий росой и лесом воздух. А потом замерла.

На моем будущем огороде, на том самом месте, где я мысленно уже разбила грядки под помидоры, стояли они. Оба. Кли́н, в простой рубахе, засучив рукава и обнажив мощные, покрытые татуировками руки, уже вбивал в землю колышки, размечая территорию с сосредоточенным видом настоящего мастера. А чуть поодаль, скрестив руки на груди, стоял Дарек. Он был одет в безупречный черный камзол, и вид у него был такой, будто он не в огороде стоит, а инспектирует парад.

— Я же сказал, к первому солнцу, — хрипло бросил Кли́н,

не отрываясь от работы и заметив меня на крыльце. — А ваш лорд, леди, видимо, привык, что солнце ждет, пока он проснется.

— Я не спал, — ледяным тоном ответил Дарек, переведя взгляд с работы Клина на меня. — Я обдумывал план. Работа должна быть эффективной, а не бессмысленной. Ты просто втыкаешь палки в землю.

— Эта «палка», лорд, называется разметочный колышек, — с издевкой пояснил Клин, выпрямляясь и упирая руки в бока. — Это основа. Без нее твоя магия нашлапает грядки там, где у леди запланирована компостная куча.

— Моя магия создаст идеальные грядки с идеальной системой полива за десять минут, — отчеканил Дарек. — А ты будешь возиться со своими колышками до обеда.

— А потом первый же ливень смое твоей «идеальный полив» вместе с землей, потому что ты не учел уклон почвы, умник, — не остался в долгу Клин.

Я поняла, что пора вмешаться. Взяв с кухни кружку с травяным чаем, я спустилась к ним.

— Доброе утро, господа садоводы, — весело сказала я, становясь между ними. — Очень рада видеть такой трудовой энтузиазм. Но давайте договоримся. Я здесь прораб.

Слово сорвалось с языка раньше, чем я успела подумать. Эффект был мгновенным. Клин замер с молотком в руке и с неподдельным недоумением посмотрел на меня. Дарек же едва заметно скривил губы в презрительной усмешке, слов-

но я сказала какую-то деревенскую глупость. Они переглянулись.

«Прораб. Отлично, Оля. Еще бы сказала 'бригадир'. Тьфу», — мысленно стукнула я себя по лбу.

Пришлось быстро исправляться. Я гордо вскинула подбородок.

— Простите, увлеклась. Позвольте выразиться яснее. На этом клочке земли, который вы собираетесь превратить в поле битвы, последнее слово — за мной.

Теперь они смотрели на меня по-другому. Клин — с лукавой искоркой в глазах, явно наслаждаясь моментом. Дарек — с холодным, оценивающим вниманием.

— Итак, план такой, — я отхлебнула чай и указала на размеченную Клином территорию. — Мастер Клин, ваша разметка меня полностью устраивает. Здесь будут высокие грядки для овощей. Бортики сделаем из камня. Милорд, — я повернулась к Дареку, — ваша задача — поднять из земли подходящие плоские камни и доставить их сюда. Без разрушений, пожалуйста. Затем Клин их уложит. А после этого вы, милорд, проложите под землей каналы для полива. Медленно и аккуратно, чтобы не нарушить структуру почвы. Вопросы есть?

Тишина стала почти осязаемой. Клин усмехнулся, довольный, что его практический подход оценили. А вот Дарек нет. Он не сдвинулся с места, но воздух вокруг него, казалось,

стал плотнее.

— Ты, кажется, забываешься, Оливия, — его голос был опасно тихим, почти шепотом. — Ты смеешь отдавать *мне* приказы?

Это был не вопрос. Это был вызов. Он не жаловался на работу, он ставил под сомнение мое право командовать им.

Я спокойно выдержала его взгляд. Страха не было, был азарт.

— Я не отдаю приказы, милорд. Я ставлю задачу, — произнесла я ровно, делая акцент на последнем слове. Я сделала паузу, а потом нанесла удар по самому больному — по его драконьей гордости. — Я просто думала, что для дракона вашего уровня поднять несколько камней с помощью магии — дело пустяковое. Элегантная демонстрация силы, не более. Или я ошиблась, и это для вас слишком сложно?

Я видела, как в его темных глазах вспыхнули и заплескали золотые искры. Его челюсти плотно сжались. Он был в ярости. Но он был загнан в угол. Отказаться — значило признать, что задача ему не по силам. Признать это перед бывшей женой, а главное — перед этим изгоем Клином, было для него невыносимо.

Он молчал несколько долгих, звенящих секунд, прожигая меня взглядом. Затем медленно, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Будет сделано.

Это не было согласием. Это было обещанием, в котором слышалась скрытая угроза. Он сделает это, но сделает так, что я пойму, с какой силой я играю.

Я с трудом сдержала торжествующую улыбку и кивнула.

Я сидела на ступеньках крыльца с чашкой чая, гладила Мрака и чувствовала себя самой могущественной женщиной в мире. Ведь это я заставила двух гордых, упрямых драконов копать в моем огороде. И это было только начало.

Но даже самые могущественные женщины знают: работники, особенно такие крупные и энергозатратные, через пару часов захотят есть. А кормить их придется мне. Я мысленно провела ревизию своих скудных припасов. Остатки вчерашней курицы и овощей, немного крупы, травяной чай. Негусто. Для двух здоровых мужиков, драконьей породы, этого было явно недостаточно.

Идея пришла сама собой, простая и гениальная, как все, что рождается из практической необходимости. Мне нужны были яйца. И молоко. И, может быть, немного сахара. В голове мгновенно сложилось меню, достойное трудового подвига: пышный, сытный омлет с зеленью и на десерт — сладкие гренки, обжаренные в яйце до золотистой корочки. Простая, домашняя еда, которая согревает лучше любого камина.

Я решительно встала.

— Мрак, остаешься за старшего, — сказала я, почесав волка за ухом. — Наблюдай, чтобы не жульничали.

Затем я подошла к месту работы. Драконы, поглощенные своим молчаливым соревнованием, даже не сразу заметили моего приближения.

— Господа, — произнесла я нарочито деловым тоном. — Я отлучусь на рынок за провизией. Прошу вас, пока меня не будет, не разрушайте тут ничего окончательно. И, пожалуйста, без жертв.

Клин хмыкнул, не отрываясь от укладки камней. Дарек же метнул в меня короткий, недовольный взгляд, словно я нарушила какую-то важную медитацию, и молча заставил очередной валун взмыть в воздух.

Я взяла плетеную корзину и направилась в деревню. На этот раз мой поход на рынок был совсем другим. Испуганное молчание сменилось гулом приглушенных, но возбужденных перешептываний. Люди больше не шарахались, а, наоборот, с жадным любопытством провожали меня взглядами. Я чувствовала себя не просто новой хозяйкой, а местной достопримечательностью.

— Это она... та, что с волком... — донеслось мне из-за спины.

— Тише ты! Говорят, сам лорд Райвен у нее в доме ночевал! Лично видела его карету на рассвете!

— И еще один, из Теневых... страшный какой... Они у нее в саду работают! Представляешь, два дракона ей грядки копают!

— Да не может быть!

— Говорю тебе! Мой Митька видел!

Я делала вид, что ничего не слышу, и с самым невозмутимым видом подошла к женщине, торгующей молочными продуктами. Та, увидев меня, выпрямилась и торопливо вытерла руки о фартук. Ее вчерашнее добродушное любопытство сменилось почтительным страхом.

— Доброго дня, госпожа, — пролепетала она. — Чего изволите?

— Мне нужны яйца. Десяток самых свежих. Хлеб. И кувшин молока.

— Сию минуту, госпожа! — женщина засуетилась, отбирая самые крупные и чистые яйца. — И молочка вам самого лучшего, утреннего! Сливов побольше.

— Давайте, — милостиво кивнула я, а потом, как бы меж-

ду прочим, добавила: — И сахару мне, если есть.

С корзиной, наполненной продуктами, я шла домой, чувствуя на себе десятки взглядов. Они больше не видели во мне странную, одинокую городскую леди. Теперь в их глазах я была женщиной, которой драконы копают огород. Мой статус в этой деревне изменился кардинально.

Вернувшись, я увидела, что работа продвинулась. Несколько грядок уже были полностью обложены камнем и выглядели идеально ровными и аккуратными. Двое моих «работников» все так же трудились в напряженном молчании.

Я прошла мимо них на кухню, поставив на стол корзину. Яйца, молоко, сахар, кусок свежего хлеба. Такие простые, земные вещи на фоне той первобытной магии, что творилась сейчас за окном.

Они могли двигать горы, повелевать стихиями и испепелять врагов одним взглядом. Но через час они оба придут на мою кухню, уставшие и голодные. И их судьба будет в моих руках. Точнее, в моей сковородке.

Я усмехнулась, доставая из шкафа большую чугунную сковороду. Мое оружие — не магия. Мое оружие — здравый смысл и умение вовремя приготовить обед.

Запахло жареным. Густой, маслянистый аромат заполнил кухню, смешиваясь с запахом остывающих камней очага и сухих трав, висящих под потолком. Я стояла у огня, который теперь стал сердцем моего дома. На грубо отесанном столе передо мной стояла миска с дюжиной крупных яиц, глиняный кувшин с густым, пахнущим лугом молоком и маленькая деревянная солонка.

Сначала я методично разбила яйца в большую миску, добавляя молоко и щепотку соли. Деревянной ложкой я взбила их до пышной, однородной пены, в которой весело пузырился воздух. Эта смесь, вылитая на раскаленную, смазанную маслом сковороду, яростно зашипела и мгновенно начала схватываться по краям, превращаясь в золотистый, ноздреватый диск. Когда омлет поднялся высокой, дрожащей шапкой, я ловко поддела его лопаткой и сдвинула на край очага, чтобы не остыл. Затем принялась за десерт. Сладкие гренки. Ломти простого серого хлеба, которые я купила на рынке, один за другим погружались в сладкую молочно-яичную смесь, а затем, шкворча, падали на сковороду. Аромат, поплывший по кухне, был простым, домашним и уютным. Он совершенно не вязался с той первобытной, концентрированной мощью, что молча и мрачно преображала мой задний двор.

Когда на огромном глиняном блюде высилась целая гора румяных гренок, а в котелке над огнем тихо томился чай, в дверь постучали. Коротко и требовательно. Это был Клин.

— Леди, — его голос звучал хрипло и устало, но в нем слышалось глубокое удовлетворение. — Работа закончена. Примешь?

Я вышла на крыльцо и замерла, невольно приоткрыв рот. На месте заросшего бурьяном пустыря раскинулся почти идеальный огород. Четыре длинные, высокие грядки, окаймленные ровными бортиками из серого, покрытого мхом камня, были идеально выровнены и готовы принять семена. Между ними были проложены аккуратные дорожки, посыпанные мелким светлым гравием. Под слоем свежей, темной земли угадывалась скрытая мощь — магическая система полива. Это было не просто красиво — это было сделано на века.

Дарек стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди. Он не смотрел на меня, его взгляд был устремлен на дело их рук, на ровные линии грядок.

— Это... великолепно, — выдохнула я, переводя взгляд с одного на другого. — Вы превзошли все мои ожидания, господа. Спасибо. А теперь, — я улыбнулась, — прошу в дом. Работников надо кормить.

Они вошли. Прошли к каменной мойке и по очереди вы-

мыли руки под ледяной струей воды из работающего насоса. Затем сели за стол. Друг напротив друга, разделенные пространством и молчанием.

Я поставила перед каждым большую глиняную тарелку с доброй порцией омлета, который успела посыпать мелко нарубленной зеленью, и водрузила в центр стола блюдо с горой дымящихся гренок.

За столом повисла наэлектризованная тишина, нарушаемая лишь стуком вилок о керамику. Первым ее нарушил Клин. Он отрезал ножом огромный кусок омлета, отправил его в рот и, прожевав, с неподдельным восхищением заявил:

— Леди, клянусь всеми духами леса, это просто божественно. Я думал, вы, аристократки, вообще готовить не умеете.

Сказав это, он начал рассказывать байки о жизни в Гиблом лесу — как они охотились на теневых вепрей, как искали редкие травы, — нарочито громко и весело, адресуя все свои истории исключительно мне.

Дарек не удостоил его даже взглядом. Он ел медленно, сосредоточенно, отрезая небольшие кусочки. Его движения были выверены и элегантны. Я видела, как напряжены его плечи под тонкой тканью камзола и как он сжимает простую деревянную вилку чуть крепче, чем нужно. Попробо-

вав grenку, он на долю секунды замер. Его брови едва заметно сошлись на переносице, а в темных глазах мелькнуло искреннее, неподдельное удивление.

— Вкусно, — произнес он очень тихо, обращаясь скорее к своей тарелке, чем ко мне.

— Рада, что вам понравилось, — спокойно ответила я, подливая им в кружки горячего травяного чая.

Дальше завтрак прошел под аккомпанемент историй Кли-на, которые становились все громче и красочнее, и молчания Дарека, которое становилось все более тяжелым и ощутимым.

Когда с едой было покончено, Кли с громким стуком отодвинул стул и поднялся.

— Спасибо за завтрак, леди. Это было лучшее, что я ел за последнее время, и я не шучу. — Он поклонился мне, бросив короткий, насмешливый взгляд на Дарека. — Работа сделана, основа заложена. Дальше — ваше дело, хозяйка. Загляну через пару недель, посмотрю, как тут у вас дела. Может, еще на такой омлет попрошусь.

Он подмигнул мне, повернулся и, не прощаясь с Дареком, направился к выходу.

Мрак, дремавший до этого у очага, плавно поднялся на лапы. Он подошел к Клину и, ступая рядом, проводил его до

самой двери. У порога волк остановился, а Клин, не оборачиваясь, протянул руку и коротко потрепал его по загривку.

Я перевела взгляд на Дарека. Он сидел неподвижно, глядя на эту сцену. Его пальцы, лежавшие на столе, медленно сжались в кулак.

Клин вышел, не оглядываясь. Дверь за ним тихо хлопнула.

Мы остались одни. Дарек поднялся. Он подошел к окну и несколько долгих мгновений смотрел на сад, на ровные ряды грядок, которые еще утром были просто заросшим, диким пустырем.

— Я тоже должен уехать, — наконец произнес он, не оборачиваясь.

Слава Богу подумала я, молча начала собирая тарелки со стола. Звук керамики, ударяющейся друг о друга, казался слишком громким в наступившей тишине.

— Дела в замке не ждут. Я не могу надолго отлучаться.

Он медленно повернулся ко мне. Его взгляд был пристальным, изучающим.

— Ты... очень изменилась, Оливия, — сказал он тихо. — Я должен признать, я удивлен. Эта стойкость, хозяйственность, это... спокойствие.

Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние.

— Я вспоминаю ее... ту Оливию, что жила в моем замке. Она боялась сломать ноготь, пачкала руки только чернилами, когда писала жалобы на слуг. Ее единственной заботой был цвет новых портьер. Она не знала, с какой стороны подойти к венику.

Каждое его слово падало в тишину, как камень в воду. Я поставила последнюю тарелку в мойку и замерла, не решаясь обернуться. Мои пальцы вцепились в холодный, мокрый край каменной раковины.

— Люди меняются, милорд, — мой голос прозвучал глухо. — Обстоятельства...

— Обстоятельства закаляют, — перебил он. Его голос раздался у самого моего уха. Я вздрогнула. Он стоял за моей спиной, совсем близко. — Они могут сломать или сделать сильнее. Но они не могут дать человеку знания, которых у него никогда не было.

Я застыла. Дыхание перехватило.

— Я не знаю, кто ты, — прошептал он. — Или *что* ты. Но ты — не она.

Я резко обернулась. Его лицо было совсем близко, я видела, как пляшут золотые искорки в его темных глазах. В них не было угрозы. Была лишь усталость и острое, почти болезненное любопытство.

— Сейчас я уеду, — сказал он ровным, уже более твердым

голосом, отступая на шаг и давая мне вздохнуть. — У тебя будет время. Но я вернусь. И когда я вернусь, я буду ждать честного ответа.

Он замолчал, и его взгляд стал холодным, как лед.

— И я бы советовал тебе говорить правду, — добавил он тихо, но каждое слово звенело сталью. — Не все в этом королевстве так снисходительны к подобным... чудесам. Орден Очищающего Пламени очень интересуется подобными явлениями. И уберечь тебя от их внимания смогу только я.

Он развернулся и пошел к выходу.

— Я пришлю тебе повозку с вещами, — бросил он уже от двери, не оборачиваясь.

Дверь за ним тихо хлопнула. Я стояла, прислонившись к мойке, слушая, как звук его удаляющейся кареты затихает вдали. Ноги подкосились, и я медленно сползла на холодный каменный пол, обхватив себя руками.

Тишина. Настоящая, полная, оглушительная тишина. Я была одна. И в этой тишине эхом звучали его последние слова. Орден Очищающего Пламени. Инквизиция.

Тишина.

Впервые за последние дни дом не гудел от напряжения. Он просто стоял, залитый утренним солнцем, и молчал. И эта тишина была оглушительной, пьянящей, как воздух после грозы. Я сидела на ступеньках крыльца с кружкой травяного чая, обхватив колени руками, и смотрела на свое новое сокровище.

Мой огород.

Идеальные, ровные грядки, окаймленные седым камнем, еще хранили прохладу ночи. Земля в них была темной, жирной, полной обещаний. Я смотрела на дело рук двух драконов и чувствовала злое, торжествующее веселье. Они думали, что соревнуются друг с другом, но на самом деле они просто выполняли мой план. План простой женщины, которая больше всего на свете хотела свои собственные грядки с помидорами.

Мрак, который после отъезда обоих «гостей» снова превратился в моего верного, обожающего пса, лежал у моих ног, положив тяжелую голову мне на колени. Он тихо сопел, изредка подергивая ухом. Кажется, он тоже наслаждался покоем.

— Ну что, друг мой лохматый, — пробормотала я, почесывая его за ухом. — Бездельничать некогда. Огород сам се-

бя не засадит.

Сегодня был базарный день, и я не собиралась его пропустить. План был прост: закупить рассаду, семена, и все, что может пригодиться для посадки. Корзина в руке, кошель на поясе — я снова отправилась в деревню.

— Госпожа, возьмите мою капусту! Крепкая, ядреная! — А вот семена моркови, сладкая, как мед!

Я с важным видом выбирала рассаду, придирчиво осматривая каждый корешок, каждый листик. Взяла немного капусты, свеклы, пучок какой-то ароматной зелени, похожей на петрушку, и несколько мешочков с семенами.

Вернувшись, я с головой ушла в работу. Переделалась в самое простое платье, подвязала волосы тряпицей и вышла в свой огород. И это было чистое, незамутненное счастье.

Теплая, податливая земля под пальцами. Запах свежей пахоты и молодой зелени. Я высаживала каждое растение с любовью и заботой, как делала это сотни раз в прошлой жизни. Вот ряд капусты, здесь будет свекла, а тут посею зелень. Я разговаривала с ними, как со старыми друзьями, обещая им солнце, воду и защиту от вредителей.

Мрак крутился рядом, пытаюсь «помогать»: то выкопает ямку не там, где нужно, то с любопытством обнюхает саженец, рискуя его сломать. Я не ругалась, лишь посмеивалась, отгоняя его от грядок.

Я работала до самого вечера, пока спина не заныла приятной усталостью, а солнце не коснулось верхушек деревьев

Гиблого леса. Выпрямившись, я оглядела свою работу. Мой огород. Маленький, но мой. Моя земля, которая теперь будет меня кормить. Я положила руку на живот, где затаилась моя главная тайна.

«Вот, малыш, — подумала я. — Это все будет твое. Твоя земля, твой дом.

На следующее утро меня разбудил не Мрак. Меня разбудил настойчивый, тяжелый гул, от которого едва заметно дрогнули стекла в окнах. Скрип колес и фыркание лошадей. Звук был слишком солидным для простой крестьянской телеги.

Я выглянула в окно. У ворот моего имения стояла большая крытая повозка, запряженная парой вороных лошадей. А на темном дереве повозки красовался до боли знакомый герб — серебряный дракон рода Райвен.

Сердце пропустило удар. Неужели вернулся? Так скоро?

Я быстро оделась и спустилась вниз. Мрак уже стоял у двери, тихо и настороженно рыча.

На крыльце меня ждал возникший — тот самый хмурый мужик, что привез меня сюда. Но теперь в его взгляде не было и тени прежнего пренебрежения. Он поклонился так низко, как только позволяла его негнушающаяся спина.

— Госпожа, — пробасил он. — Велено передать от его милости, лорда Райвена.

Он отошел в сторону, открывая двери повозки. Я загля-

нула внутрь и ахнула.

Повозка была забита доверху. Тут было все.

Мешки с мукой, крупами, сахаром и солью. Огромные круги сыра, завернутые в вощеную ткань. Копченые окорока и связки вяленого мяса, источающие умопомрачительный аромат. Бочонки с маслом и медом. Но это было только начало.

Рядом с провизией лежали стопки нового постельного белья, теплые шерстяные и меховые одеяла. Набор прочной кухонной утвари — чугунные сковороды, медные котелки, ножи с деревянными ручками. Простая, но добротная глиняная посуда — тарелки, миски, кружки. Свечи, много свечей. Даже несколько мотков прочной шерсти для вязания и набор швейных игл.

Я стояла и смотрела на все это богатство, и не знала, что чувствовать. Это была не забота. Это был очередной ход в нашей молчаливой партии. Демонстрация силы и состоятельности. «Ты можешь якшаться с изгоями и играть в независимость, — говорил этот подарок, — но помни, кто здесь на самом деле обеспечивает твое существование».

— Куда прикажете разгружать, госпожа? — прервал мои размышления голос возничего.

Я очнулась. Практичная женщина внутри меня взяла верх над эмоциями. Бесплатные вещи — это всегда хорошо, чья бы гордость за ними ни стояла.

— Все на кухню, — скомандовала я. — А белье и одеяла

— В ХОЛЛ.

Пока возничий таскал мешки и ящики, я стояла на крыльце, скрестив руки на груди. Я смотрела на герб Райвена на повозке и невольно улыбалась.

«Ну что ж, Дарек, — подумала я. — Принимаю твой дар. Но не думай, что ты меня этим купил. Ты просто облегчил мне жизнь. А значит, у меня будет больше сил, чтобы подготовиться к твоему возвращению. И к нашему разговору».

План Дарека, несомненно, сработал — по крайней мере, та его часть, что касалась демонстрации возможностей. Когда возничий, сделав несчетное количество рейсов от повозки до моей кухни, наконец уехал, я осталась стоять посреди гор провизии и утвари, чувствуя себя кладовщиком, принявшим годовой запас для небольшого гарнизона. Это было ошеломляюще. Он не просто прислал необходимое, он прислал *все*, лишив меня даже предлога для похода на рынок.

«Что ж, милорд, вызов принят», — хмыкнула я, засучивая рукава.

Работа закипела. Первым делом — кухня и кладовая. Я смахнула пыль с холодных каменных полок, которые, казалось, веками ждали этого момента, и начала методично расставлять свое богатство. Мешки с мукой, рожью и какой-то желтой крупой заняли нижние полки. Рядами выстроились бочонки с солью и сахаром, кувшины с маслом. Копченые окорока и связки пряных колбас я подвесила к потолочным балкам, как в настоящей деревенской избе. Кухня мгновен-

но наполнилась густыми, аппетитными запахами и ощущением жилого, основательного быта.

Новая посуда была простой, без изысков, но крепкой и надежной. Я с наслаждением вымыла каждую тарелку, каждую кружку под струей ледяной воды из починенного насоса и расставила на полках. Старые, щербатые черепки, найденные в доме, безжалостно отправились в мусор. Прошное — в прошлом.

Затем настал черед спальни. Я расстелила на кровати новые, пахнущие свежестью простыни из грубого, но приятно-го на ощупь полотна. Сверху легло тяжелое шерстяное одеяло, а в изножье я бросила роскошный меховой плед, который теперь по праву был моим. Моя кровать перестала быть временным лежбищем — она стала оплотом уюта и тепла.

Вечер опустился на долину тихо и незаметно. Лиловые тени удлиннились, воздух стал прохладным и наполнился ароматами трав и влажной земли. Поужинав остатками припасов, я почувствовала непреодолимое желание прогуляться. Не в деревню, а просто вокруг дома, по своей земле.

— Пойдем, Мрак, подышим воздухом, — позвала я, и волк тут же поднялся, радостно виляя хвостом.

Мы медленно пошли по заросшей тропинке, огибающей дом. Я ступала осторожно, вслушиваясь в звуки ночи: стрекот кузнечиков, тихий шелест ветра в кронах, далекий, тоскливый крик какой-то ночной птицы. Я не боялась. Рядом с моим огромным спутником страх казался чем-то глупым и неуместным. Было лишь острое, почти болезненное любопытство и тихое восхищение могуществом этой древней земли.

Мы дошли до старой, развалившейся каменной ограды, которая когда-то, видимо, обозначала границы имения. Теперь она едва угадывалась под плотным ковром плюща и мха. За ней начинались владения леса. Внезапно Мрак, что шел до этого спокойно, чуть впереди меня, замер, как изваяние. Его тело подобралось, превратившись в натянутую стальную пружину. Он застыл, подняв голову, и шумно, с силой втянул носом воздух. Его уши встали торчком, нервно подрагивая, улавливая что-то, совершенно недоступное мне. Воздух вокруг, казалось, уплотнился. Я проследила за его взглядом, но не увидела ничего, кроме чернильного сплетения ветвей и теней, которые в сумерках казались живыми.

Затем, не издав ни звука, он метнулся в сторону. Не побегал — он словно стал частью самой тени, черной молнией, бесшумно растворившейся в густых, высоких зарослях па-

поротника у самой кромки леса.

— Мрак! — позвала я, и тревога холодком коснулась сердца. — Вернись!

Ответом мне была лишь тишина. Я шагнула к лесу, сердце застучало быстрее. Что он мог там учуять? Зверя? В этих лесах, по слухам, водились твари и похуже волков. Я уже собиралась позвать его снова, громче, вкладывая в голос всю свою волю, как из темноты так же внезапно вынырнула его фигура. Он отсутствовал не больше минуты. В зубах он что-то осторожно нес, стараясь не повредить. Подойдя ко мне, он опустил свою ношу к моим ногам.

Это был цветок.

Я замерла, не в силах вымолвить ни слова. Никогда в жизни, ни в этой, ни в прошлой, я не видела ничего подобного. На длинном, гибком стебле, покрытом мельчайшим серебристым пушком, покачивался один-единственный крупный, еще не до конца раскрывшийся бутон. Его лепестки, плотно сжатые, были цвета жемчуга и словно светились изнутри мягким, молочно-белым светом. Казалось, он вобрал в себя весь зарождающийся лунный свет этой ночи. И самое главное — Мрак не просто сорвал его. Он выкопал его с корнем, который аккуратным, мохнатым комочком влажной земли все еще обнимал основание стебля, опутанный тонкими, как паутинки, корешками.

— Господи, какая красота... — прошептала я, осторожно опускаясь на колени и поднимая цветок. Он был прохладным

на ощупь, а от лепестков исходил тонкий, едва уловимый аромат, напоминающий ночной жасмин и озон после грозы. Это было не просто растение. Это было чудо, магия в чистом виде. Я посмотрела на Мрака. Он сидел рядом, тяжело дыша, и смотрел на меня своими умными желтыми глазами, словно спрашивая: «Ну как, хозяйка? Хороший подарок?»

— Лучший, — ответила я ему, и он, кажется, все понял, коротко вильнув хвостом.

Мы постояли еще немного, а затем молча повернули к дому. Я несла цветок в руках, как величайшее сокровище, боясь повредить хоть один лепесток, и думала о том, как же странно устроен этот мир.

Вернувшись, я первым делом нашла пустой глиняный кувшин, ополоснула его чистой колодезной водой и, осторожно опустив туда свою находку, поставила на середину большого кухонного стола. И на моих глазах начало происходить волшебство. Буквально за несколько минут бутон, встрепенувшись, начал медленно раскрываться. Лепесток за лепестком, они распускались, являя миру свою неземную красоту. Цветок оказался похож на водяную лилию, но его лепестки были тоньше пергамента и переливались всеми оттенками перламутра. В самой его сердцевине, среди тонких серебряных тычинок, зажглась крохотная, мерцающая точка, похожая на далекую звезду. Комната наполнилась его мягким, призрачным сиянием и дивным ароматом. Я сидела за столом и не могла отвести от него глаз.

Прошло несколько дней. Моя жизнь вошла в спокойное, размеренное русло, какого я не знала, кажется, никогда. Я просыпалась с рассветом, и первым делом шла на кухню — проведать свой цветок. Он не вял. Он стоял в кувшине, сияя и наполняя дом красотой и покоем. Затем я выходила в сад. Мои саженцы прижились все до единого и уже заметно окрепли, жадно тянулись к солнцу. Я пропалывала сорняки, рыхлила землю, поливала свои посадки.

В один из таких дней, работая на грядках, я особенно остро ощутила перемены в собственном теле. Это была не просто усталость от работы. Легкое головокружение, когда резко выпрямлялась, новая чувствительность к запахам. Вчерашний суп сегодня казался мне слишком соленым, а аромат свежескошенной травы — чересчур резким. Я положила ладонь на живот. Он был все еще плоским, но я знала, что это не так. Там, внутри, росла моя тайна, моя надежда. И я поняла, что пора навестить единственного человека в этой деревне, кому я могла довериться.

Оставив Мрака охранять дом, наказав ему быть паинькой, я отправилась в деревню, к знахарке-повитухе. Я шла не спеша, и замечала, как изменилось отношение ко мне. Люди больше не шарахались. Они останавливались, провожая меня взглядами — долгими, изучающими, в которых смешались страх, любопытство и толика уважения. Женщины у колодца прекращали сплетничать, а кузнец, чей молот гулко

разносился по округе, на мгновение прервал свою работу.

Знахарка встретила меня на пороге своей избушки, пахнувшей сухими травами, и смерила меня острым, всевидящим взглядом.

— А, госпожа. Думала, когда заявишься, — проворчала она беззлобно, пропуская меня внутрь. — Жалобы есть? Что-то не так?

— Нет, — покачала я головой, садясь на предложенную лавку. — Скорее наоборот. Просто... хотела убедиться, что все в порядке.

Она хмыкнула, и в ее глазах блеснул лукавый огонек. Осмотр был коротким, но тщательным. Ее сухие, как кора дерева, но на удивление нежные руки снова ощупали мой живот, она внимательно посмотрела мне в глаза, прислушалась к дыханию.

— Малыш растет как положено, — наконец вынесла она вердикт. — Крепкий будет. Сердечко уже бьется, как пташка в клетке. Тебе сейчас главное — покой, хорошая еда и никаких дурных мыслей. Дитя все чувствует. Вот, возьми, — она протянула мне еще один мешочек с травами. — От дурноты по утрам. Заваривай по щепотке. И приходи через месяц. Послушаем еще раз.

Я вышла от нее с чувством огромного облегчения и благодарности. Теперь я была спокойна. На обратном пути я заметила знакомую ватагу ребятишек, что снова прятались в кустах, наблюдая за мной. Я сделала вид, что не вижу их,

но, проходя мимо старого пня, «случайно» оставила на нем несколько испеченных утром сладких лепешек, завернутых в лист лопуха. Пусть привыкают. Я не злая магичка. Я просто женщина, которая любит свой огород и ждет ребенка.

Дни были наполнены простыми, но такими важными делами. Я пекла хлеб в настоящем очаге, и он получался с хрустящей корочкой и невероятным ароматом дымка. Варила густые похлебки из присланных Дарекom припасов, наводила уют в комнатах в одной за другой. Я чувствовала себя абсолютно счастливой. Спокойной, умиротворенной. Вся прошлая жизнь с ее обидами, одиночеством казалась дурным сном, который случился с кем-то другим. Здесь, в этом мире, в этом доме, я была живой.

По вечерам я сидела у очага, в котором весело потрескивали дрова. Мрак лежал у моих ног, положив голову мне на колени, и тихо сопел во сне. А на столе сиял мой лунный цветок, заливая комнату волшебным светом. Я смотрела на него и думала о том, что этот мир, который поначалу казался мне ссылкой и наказанием, подарил мне больше, чем я могла мечтать: дом, землю, верного друга... и маленькую счастье, что росло внутри меня.

Прошла еще неделя, наполненная тихими, размеренными трудами. Мой огород зеленел все увереннее, обещая щедрый урожай. Дом окончательно избавился от запаха забвения и теперь пах свежеиспеченным хлебом, сушеными травами и чистотой. Я привыкла к своему новому ритму жизни и нахо-

дила в нем глубокое, почти медитативное удовлетворение.

В этот день я решила приготовить нечто особенное. На кухне, в большом чугунном котелке, томилось мясо с картофелем, морковью и дикими кореньями, которые я нашла у кромки леса. Густой, пряный аромат плыл по всему дому, вызывая одобрителное урчание в животе и заставляя Мрака то и дело поднимать голову и с надеждой смотреть на меня. Я как раз накрывала на стол, когда мой верный пес вдруг поднялся, подошел к двери и издал низкое, глухое порывание. Это был не тревожный рык, что предназначался для настоящей угрозы, а скорее ворчливое предупреждение для того, кого он уже знал, но все еще не до конца одобрял.

Через минуту в дверь вежливо, но настойчиво постучали. Я пошла открывать, вытирая руки о фартук. На пороге стоял Клин. Он выглядел еще более огромным и диким на фоне моего скромного, обжитого крыльца. В одной руке он держал плетеную корзину, а в другой... снова букет. На этот раз из ярких лесных колокольчиков и огненно-рыжих цветов, похожих на маленькие факелы. Его попытки ухаживать были такими же прямолинейными и немного неуклюжими, как он сам, и от этого становились на удивление трогательными.

— Доброго дня, леди, — пророкотал он, протягивая мне цветы. — Решил проведать, как вы тут. Не съели ли вас местные волки. Хотя, — он кивнул на Мрака, который вышел из-за моей спины и сел рядом, не сводя с гостя внимательных желтых глаз, — похоже, у волков теперь другие планы.

— Здравствуй, Клин. Проходи, — я улыбнулась, принимая букет. — Как видишь, жива и вполне здорова. Спасибо за цветы, они прекрасны.

Он прошел в дом, и я видела, как он осматривается. Его взгляд скользил по чисто вымытым полам, по развешанным под потолком пучкам трав, по аккуратно сложенной стопке дров у очага. Он втянул носом аромат, доносившийся из котелка, и его суровое лицо смягчилось.

— А пахнет у тебя... как в раю для голодного путника, — с неподдельным восхищением протянул он. — Вижу, хозяйство у тебя процветает. Грядки твои с дороги видно — зеленеют, глаз радуют. Руки у тебя, леди, оказывается, не только для красоты созданы.

— Стараюсь, — я поставила цветы в кувшин рядом с Лунным Светляком. — Помощь мне теперь не требуется, как видишь. Справляюсь. Хочешь посмотреть, что уже возшло?

— С удовольствием, — кивнул он.

Мы вышли на задний двор. Он медленно прошелся вдоль высоких грядок, с интересом рассматривая крепкие ростки капусты и нежные перья моркови. Мрак шел за нами поодаль, держась ближе ко мне.

— Да уж, — покачал он головой, останавливаясь и поворачиваясь ко мне. — Слепой лорд, что такое сокровище от себя отпустил. И глухой, раз не услышал, как бьется сердце у настоящего дома. Думают, богатство женщины в красоте, а оно вот оно, — он обвел широким жестом мой огород, чистый двор и дымящуюся трубу дома. — В умении жизнь создавать там, где до нее была пустота.

Его комплименты были грубоватыми, но искренними, и оттого били точно в цель. Я почувствовала, как щеки заливают легкий румянец.

— Каждый выбирает то, что ему по душе, Клин. Каждому свое.

Пока мы разговаривали, Клин присел на корточки у края

грядки и посмотрел на Мрака, который напряженно следил за каждым его движением.

— Ну что, защитник, — тихо и без угрозы в голосе сказал Клин. — Хорошо хозяйку свою бережешь. Молодец.

Он медленно, без резких движений, достал из кармана кусочек вяленого мяса, которое, видимо, припас для себя, и положил его на землю в паре шагов от волка. Мрак не шелохнулся, лишь повел носом. Клин не настаивал. Он просто оставил мясо лежать и выпрямился.

— Дикий зверь, — сказал он уже мне. — Но умный. Чувствует, кто с добром пришел.

— Пойдем в дом, обед стынет, ты как раз вовремя.

Он с готовностью последовал за мной. На кухне он оставил свою корзину. Внутри я нашла копченую рыбу, горшочек лесного меда и несколько крупных, диких яблок.

— Это тебе, — буркнул он, немного смущаясь. — Лесные дары.

— Спасибо, — я искренне поблагодарила его.

Я наложила ему полную миску дымящегося, ароматного рагу. Он ел с аппетитом, громко нахваливая и мясо, и подливу. Напряжение его первого визита ушло, сменившись легкой, дружеской атмосферой. Мрак, убедившись, что гость не представляет угрозы, улегся у очага и задремал.

— Знаешь, леди, — сказал Клин, расправившись с первой порцией, — я рад, что ты так хорошо устроилась. Когда я тебя в первый раз на рынке увидел, бледную, как привиде-

ние, думал, не выживешь ты тут. Сломаешься. А ты... ты тут корни пустила, покрепче иного дуба.

— Я люблю землю, — просто ответила я.

Он кивнул, соглашаясь. Его взгляд блуждал по кухне, и тут он замер. Он смотрел на мой стол. На сияющий в центре стола лунный цветок. Клин застыл с ложкой на полпути ко рту. Его лицо изменилось. Веселость исчезла, сменившись изумлением и недоверием.

— Быть не может... — прошептал он, медленно поднимаясь и подходя ближе. Он не смел дотронуться до цветка, лишь смотрел на него, как на видение. — Откуда... Откуда он у тебя?

— Мрак принес. С прогулки, — спокойно ответила я, хотя сердце мое пропустило удар от его реакции.

— Мрак... — Клин перевел взгляд на волка, который, войдя следом за нами, теперь дремал у очага, и покачал головой. — Невероятно. Леди, ты хоть понимаешь, что это такое?

— Красивый цветок, — я пожала плечами, стараясь выглядеть как можно более безразличной.

— Красивый? — он горько усмехнулся. — Леди, это Лунный Светляк. Очень, очень редкая штука. Он растет только в самых древних, дремучих лесах, в скрытых от глаз лощинах, куда и звери не всегда дорогу находят. Найти его — огромная удача. В столице маги и целители готовы платить за него золотом.

Он замолчал, подбирая слова.

— Из его лепестков, если их правильно обработать, делают невероятно сильную исцеляющую мазь. Она не творит чудес, мертвых не воскрешает, но затягивает самые глубокие раны за считанные часы, не оставляя и шрама. Говорят, она вытягивает любую хворь и гниль из тела. Поэтому он и стоит таких бешеных денег. Но есть одна проблема.

— Какая же? — мне стало по-настоящему интересно.

— Его невозможно пересадить, — сказал Клинт твердо. — Никто и никогда не смог заставить его расти там, где он сам не выбрал. Он просто умирает. Не приживается. Любая попытка выкопать и перенести его в другое место — проваливалась. Он — дитя самого Леса, и слушается только его. То, что он стоит у тебя в кувшине и не увял, — уже само по себе чудо. А то, что волк принес его тебе живым, с корнем... Это знак, леди. Лес принял тебя.

Он еще раз с восхищением посмотрел на цветок, потом на меня.

— Береги его. Это настоящее сокровище.

Он вернулся за стол, но был уже не таким разговорчивым. Казалось, эта находка потрясла его до глубины души. Доев, он поднялся.

— Спасибо за обед, леди. Как всегда, выше всяких похвал. Мне пора.

— Ты еще вернешься? — спросила я.

— Вернусь. Обязательно, — он тепло посмотрел на меня.

— А ты... если вдруг что понадобится, или какие проблемы... не стесняйся. Пошли весточку с кем-нибудь из деревенских. Лес все слышит. Я приду.

Тишина, воцарившаяся в доме после ухода Клина, была обманчивой. Снаружи все было спокойно, но внутри меня бушевала буря. Мысли, одна азартнее другой, кружились в голове, не давая покоя. Бесценный. Редкий.

Я смотрела на сияющий цветок, и в голове медленно, но верно зарождалась идея. Дерзкая, почти безумная. А что, если ...

Идея оформилась в четкий, ясный план. Финансовая независимость. Полная, абсолютная. Возможность обеспечить себя и своего ребенка на всю жизнь, не оглядываясь ни на лордов, ни на их милость.

«Не приживается, говоришь, Клин?» — подумала я, и на губах моих появилась слабая, хищная улыбка. — «Это мы еще посмотрим».

Я знала, что не смогу успокоиться, пока не попробую. Идея о собственном, неиссякаемом источнике дохода, о полной финансовой независимости, была слишком соблазнительной. Это была свобода в чистом виде. Но надо хорошо все обдумать.

На следующее утро я проснулась с четким планом в голове. Моя кухня, сердце дома, не подходила для такого деликатного эксперимента. Нужно было место, где мой хрупкий саженец будет защищен от сквозняков и любопытных глаз. Мой выбор пал на небольшую комнатку в конце коридора на втором этаже. Она была одной из тех, до которых у меня еще не дошли руки, но благодаря магии Дарека в ней было чисто, а единственное, выходящее на север, окно давало ровный, рассеянный свет, идеальный для капризных растений. Я тщательно вымыла комнату еще раз, принесла поддон с подготовленным грунтом. Все было готово.

С замиранием сердца я взяла кувшин с сияющим Лунным Светляком. Я уже собиралась выйти из кухни, как вдруг Мрак, дремавший у очага, резко вскочил. Шерсть на его загривке не поднялась дыбом, он не зарычал. Вместо этого он наострил уши, а его хвост неуверенно вильнулся раз, другой. Он смотрел в сторону парадного входа, и в его позе не было угрозы — лишь напряженное, почти радостное ожидание.

И тут я услышала. Тяжелый, уверенный стук копыт.

В груди все похолодело. Я быстро поставила кувшин обратно на стол. Эксперимент придется отложить. Я метнулась к окну кухни, выходящему на задний двор. И увидела.

Там в моем огороде, Дарек Райвен, в безупречном дорожном костюме, стоял посреди моих грядок. Он медленно шел вдоль рядов, но не любовался, а оценивал, словно полководец, проводящий инспекцию. Его лицо было непроницаемой маской.

И в этот момент Мрак, выскользнувший на задний двор, прижав уши и отчаянно виляя хвостом, радостно подбежал к Дареку. Предатель.

Дарек не удивился. Он опустил руку и, не глядя, потрепал волка по загривку. Затем он поднял глаза и посмотрел прямо на меня. Он знал, что я наблюдаю. Медленно, не отрывая от меня взгляда, он направился к дому.

Он вошел без стука. Как хозяин. Как человек, который все еще считал этот дом своим. Мрак вбежал следом, но, почувствовав напряжение, тут же юркнул в угол и затих. Дарек не заговорил сразу. Он остановился посреди кухни, и комната мгновенно стала тесной, воздух — плотным, наэлектризованным. Он медленно обвел взглядом помещение.

— Запах изменился, — произнес он наконец, и его голос был тихим, но отдавался гулким эхом в наступившей тишине. — Раньше этот дом пах пылью и отчаянием. Теперь — хлебом. Оливия не любила запах хлеба.

Он повернулся ко мне. Его взгляд был холодным, как скальпель хирурга. И когда он приблизился, я впервые смогла рассмотреть его по-настоящему. Не как разъяренного мужа из чужой жизни, а просто как мужчину. Внешне он вы-

глядел на свои тридцать с небольшим, но стоило присмотреться....

В уголках его темных глаз залегла тонкая сеточка морщинок, не от смеха — от усталости и тяжести власти. Когда он говорил, на лбу пролегла едва заметная складка, привычная для человека, который вечно хмурится и принимает сложные решения. А в иссиня-черных волосах, у самых висков, серебро было заметнее, чем в прошлый раз. Это было лицо мужчины далеко за сорок, а то и больше. Мужчины, который прожил долгую, очень долгую и непростую жизнь. А если он дракон... сколько же ему на самом деле лет? Сто? Двести?

Он стоял так близко, что я могла видеть, как пляшут отблески огня в его темных глазах.

— Я спрошу еще раз. И я не советую мне лгать. Мое терпение имеет пределы. Кто ты и где моя жена?

Последнее слово он произнес почти шепотом, но оно ударило меня, как пощечина.

Я открыла рот. Пустота. В голове не было ни одной спасительной лжи, ни одной правдоподобной истории. Что я могла сказать? Что Оливия изменилась под влиянием свежего воздуха? Что ссылка пошла ей на пользу? Глупости. Он не дурак. Он древний, могущественный дракон. Любая ложь сейчас была бы не просто бесполезной, она была бы оскорбительной. И опасной. Он дал мне один шанс сказать правду. Второго не будет.

Я выдохнула, чувствуя, как вместе с воздухом меня поки-

дают последние остатки сил для борьбы. Плечи опустились. Я подняла на него глаза, встречая его тяжелый, буравящий взгляд.

— Вы правы, — голос прозвучал тихо, хрипло, словно не мой. Он принадлежал женщине, которая только что сдалась. — Я не Оливия.

В его глазах не промелькнуло удивления. Ни тени. Лишь холодное, почти безразличное подтверждение, словно в сложной формуле наконец сошелся ответ. Мышцы на его скулах едва заметно напряглись. Он не двинулся с места, но я почувствовала, как невидимый барьер между нами рухнул. Тайна была раскрыта. Теперь мы были одни, без масок и притворства. Хищник и его законная добыча.

Он молчал, ожидая. Он дал мне возможность говорить, и я знала, что должна заполнить эту оглушительную тишину.

— Авария, — слова полились сами собой, сбивчивые, рваные, как обрывки воспоминаний, которые я сама боялась трогать. — В моем мире... я ехала... на дачу. Обычный старый автобус. Запахло дождем, по стеклу застучали первые капли... — я запнулась, перед глазами на миг встала та картина. — Потом был визг. Металла по асфальту. И крик... чей-то. Удар. Просто... темнота. И холод. Всепоглощающий, липкий холод. А потом...

Я сглотнула, пытаюсь прогнать ком из горла.

— А потом я проснулась здесь. В ее постели. В ее теле. С горечью яда во рту и вашей яростью над головой.

Я замолчала. Это было все. Вся правда, какой бы дикой и невероятной она ни была.

Он слушал меня неподвижно, его лицо было непроницаемым. Когда я закончила, он на мгновение прикрыл глаза. А когда открыл их снова, в них был только лед.

— Значит, дух, — процедил он сквозь зубы, и это слово прозвучало как приговор. Он сделал шаг назад, инстинктивно увеличивая дистанцию, словно я была чумной. На его лице, до этого бывшем лишь строгой маской, отразилось глубинное, первобытное отвращение. — Не просто дух.

Его губы скривились, обнажая на долю секунды клыки.

— Паразит. Нечто, что украло чужое тело, чужую жизнь, чужое имя. Нечто, что сейчас стоит в моем доме и дышит моим воздухом.

Он начал медленно ходить по кухне, от стены к стене, как запертый в клетке хищник. Каждый его шаг был тяжелым, полным сдерживаемой ярости. Я стояла, вжавшись в холодную кладку очага, не смея пошевелиться, и наблюдала за этой бурей, заключенной в человеческую оболочку.

— По всем законам, я должен был бы сжечь этот дом вместе с тобой, — его голос звучал глухо, как будто доносился из-под толщи земли. Он остановился и посмотрел на меня так, словно уже видел, как пламя пожирает стены. — Или отдать тебя Ордену. Это был бы самый простой выход. Логичный. Я думал об этом.

— Но... — он снова начал свое движение, и в его голосе прорезался металл. — Есть проблема. Та девчонка, что была здесь до тебя, лгунья! Жалкая, мелочная лгунья! — он с силой ударил кулаком по дубовой столешнице. Стол, весивший, наверное, не одну сотню килограмм, протестующе скрипнул. — В ее покоях нашли тайник. Думаешь, там были любовные письма? Там были десятки пустых пузырьков из-под настоек, мешающих забеременеть! Она травила себя, чтобы не понести! Обманывала меня!

Он замолчал, тяжело дыша. Ярость, казалось, выгорела, оставив после с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.